

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ КАРТАШЕВ

РАЗГОВОР С МОЛОДЫМИ

О БОГЕ, ЛЮБВИ, КРАСОТЕ

Москва
«Никея»
2012

УДК 264-4
ББК 86.372
К 27

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви*

Карташев Павел, священник
К 27   **Разговор с молодыми: О Боге, любви, красоте.** —
М.:Никея, 2012. -96 с.

ISBN 978-5-91761-138-9

Эти беседы состоялись в некоторых школах и институтах. В их основе — желание помочь молодым людям увидеть себя в мире. Во-первых, увидеть мир: землю, звезды и бесконечность — то есть пространство. И почувствовать время: начало, историю и нынешний день. Во-вторых, увидеть себя, себе подобных. Оценить таланты, глубину и красоту человека — созданного Богом, Им согретого и просвещенного, Им спасаемого от смерти.

УДК 264-4
ББК 86.372

СОДЕРЖАНИЕ

Знакомство.....
I беседа. Искания Бога
II беседа. О Боге
III беседа. О жизни
IV беседа. О красоте
Заключение.....

ЗНАКОМСТВО

С чего бы такого начать, чтобы поставить вопрос ребром? Зачем? А чтобы вы сразу, без лишних слов, задумались о серьезных вещах. От которых, между прочим, зависит ваше счастье. Пока ехал под землей, потом шел под небом на встречу с вами, всё перебирал разные варианты и в конце концов решил, что сейчас войду и скажу: «Здравствуйтесь, я — инопланетянин».

Несмешно? Честное слово, не собираюсь вас смешить. Моя задача иная. Об инопланетянине нисколько не шучу. Действительно им являюсь, но не в том смысле, какой всем известен. Обыкновенно инопланетянами называют пришельцев из далеких миров. А я ниоткуда не прилетал; полчаса провел в метро, потом еще минут десять шагал пешком, и вот — стою здесь.

Мы с вами жители Земли и родились сравнительно недавно. Но священник принадлежит столько же текущему времени — для нас это начало XXI века по Рождестве Христовом, — сколько и другим эпохам, когда наша с вами общая планета и выглядела иначе, и на ее поверхности царила совсем другая жизнь. Вот в этом отношении священнослужители — представители таких ориентиров и ценностей, которые освещают единым смыслом все времена Земли.

Ну а принадлежим мы седой старине, разумеется, не буквально: не помним же мы туманную древность, когда всю планету покрывали воды, плескался от полюса до полюса безбрежный Мировой океан. Читая же об этом в трудах физиков, палеогеографов, палеонтологов — например, о криптозое (дословно: скрытая жизнь) и о последующих эрах, — я лично стараюсь понять значение глобальных трансформаций, то есть того, что Земля в истории своей не раз менялась до неузнаваемости. И не просто понять: эти бывшие перемены принять с верой в их целесообразность.

После океана образовалась суша, обнажились материки, на них появилась растительность. Климат повсюду был равномерным, теплым и влажным. В мировых джунглях обитали большие животные. Позже разразился Всемирный потоп, и современная наука свидетельствует об этом. Археология находит в Священном Предании о Всемирном потопе объяснение своим находкам: обнаруженным отпечаткам

морских водорослей в горах, характерным для морского дна ракушкам на плоскогорьях. Тогда, при потопе, вода вновь покрыла Землю, но уже богато цветущую и разнообразно населенную.

Человек на земле существует не только в определенном климате физическом, но и в духовно-нравственном. Римский оратор и политик Цицерон утверждал в I веке до Рождества Христова, что нет народа без религии. Равнодушных или атеистически настроенных племен человечество никогда не знало. И в нашу эру: в поздней Античности и в Средние века, вплоть до наступления так называемого Нового времени, у большинства граждан цивилизованного мира блаженное бессмертие являлось одной из важнейших ценностей бытия. Согласитесь, сознание того, что в конце жизни тебя ожидает экзамен и затем вечность, радостная или, напротив, безутешная, не могло не влиять на общественный климат — на стратегию и тактику политики, экономики, не говоря о содержании философии, богословия, искусства и литературы.

Итак, планета внешне начиналась с океана, но не с простого, а со смешения всех элементов, с текучего — в нашем представлении — состояния первозданной материи. *В начале*, — повествуется в книге, название которой слышали все, а некоторые даже читали, в Библии, — *сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою* (Быт. 1: 1-2). Закон-

чивается Библия таинственным текстом, его по современному можно назвать футурологическим. Он открывает невидимое будущее, поэтому его называют Откровением, или Апокалипсисом (*апокалипто* по-гречески — *открывать*). В предпоследней главе Откровения автор этого произведения, Иоанн Богослов, созерцает величественное исполнение цели земной истории. Исполнение это в глазах апостола поэтапно, шаг за шагом, проясняется, перед ним разворачиваются всё более глубокие видения и наконец: *...Увидел я, — свидетельствует апостол Иоанн, — новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет* (Откр. 21:1).

В начале материальной жизни на планете — расплавленность и неопределенность, потенциальность бытия, его форм — одним словом — море. В итоге — торжество всего определенно доброго, надежного. Уже ничто не качается под ногами, не бурлит и не грозит потопом. *Моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый...* (Откр. 21: 1-2). Мысль о цельности и изначальной продуманности жизни пронизывает земную историю. И в наши дни эта великая мысль напоминает о себе.

Где? В науке, свободной от злободневных тенденций. В Церкви. Церковь есть возвешение новой планеты на нынешней Земле, образ будущей жизни, созревающей незаметно. Сегодня меня пригласили к вам, чтобы вы услышали и мысленно представили себе, «что сквозит и тайно светит» под оболочкой

времени и материи. Поэтому священника, да и вообще всякого церковного человека, позволительно называть инопланетянином — посланцем новой Земли, к которой течет история.

И еще заметим: есть мысль о цельности и смысле, а есть почти то же самое, но переживаемое по-другому. То, что предшествует мысли: речь идет о чувстве. Чувство целого, или единства всего живого, подсказывает, что смысл лежит в основании мира, что в мире всё безупречно продумано и отечески любимо. И вот это последнее ощущение не только воодушевляет на труд честных ученых и исполняет надеждой и мужеством самых разных людей, составляющих Церковь, но и присутствует еще знаете где? В душе ребенка.

И БЕСЕДА ИСКАНИЯ БОГА

О БЕСКОНЕЧНОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Когда я учился во втором классе, мне подарили на день рождения большую книгу о космосе. Она написана была просто, специально для детей, и, главное, в ней были замечательные цветные иллюстрации во весь книжный разворот. Мне еще в школе заранее становилось весело, потому что я знал, что дома в наступающих сумерках я включу абажур, усядусь поглубже в кресло и погружусь в необъятное темно-синее небо с мерцающими звездами. Конечно, не я в него погружался, а ночное небо опускалось на меня и обнимало, уносило ввысь, и я парил в нем без всякого труда, мгновенно преодолевая расстояния в тысячи световых лет. Передо мной, как громадные паутины узоров, расступались близкие и далекие миры, я слушал умом звенящие просторы и пред-

ставлял, что это сферы, небесные дуги трутся друг о друга и протяжно поют. Я вглядывался в тускло поблескивающие туманности и бродил внимательными глазами по безмянной красно-коричневой планете, бугристая поверхность которой слабо освещалась той звездой, вокруг которой она вращалась.

В книге был еще большой космический корабль с прозрачным бортом во всю длину, чтобы можно было видеть, что у него там внутри. Корабль уносился навстречу неизвестности, и астронавты, собранные в зале управления перед экранами, пристально смотрели в таинственные дали. Они были сосредоточенны, но спокойны, и руки их чутко лежали на разноцветных кнопках и рукоятках пультов. Другие космонавты обедали в кают-компании, играли в шахматы, читали в своих отдельных каютах, а один спал так же безмятежно, как на Земле: голова на пышной подушке, ладони лодочкой под щекой.

Они улетят далеко, сфотографируют и словами опишут новые галактики, опустятся на необитаемые небесные тела и всё расскажут Земле, тем людям, что сопровождают их в полете, по радио. Так бы никто никогда и не узнал о запредельных солнцах, о Млечных Путиях, о блуждающих огнях, а так, благодаря космонавтам, все узнают. И Вселенная станет доступней, расширит свои границы, на ее карте появятся новые звездные системы, то есть получится, что мы уже станем жителями бесконечности, в нашем уме мириадами огней отразится огромный мир.

Не такими взрослыми словами я объяснял себе свои созерцания, но приблизительно такие мысли волновали меня. «И вот, — продолжал я думать, — корабль долетит до самого конца, до границы звездных миров: что там откроется космонавтам? Не может же там быть совершенной пустоты!» — «Почему же не может? — возражал я себе. — А вдруг?» — «Нет, никак не может, потому что, потому что, — я чувствовал, что не может, но не мог подобрать слов, — с тех пор как появился человек, который смотрит вперед и думает, пустоте некуда убежать. Она могла быть, пока ее не заметили, а как только ее разглядел кто-то, значит, она уже не пустая».

Моя маленькая душа увидела себя под бесконечной высотой и над бездонной глубиной: куда ни полети, конца-краю не будет, но всюду распахнется вширь порядок, засияет свет, слух уловит хрустальное пение. А если миры есть везде, даже там, куда никто никогда не долетит и никому о том не расскажет; если они, галактики, звезды, их спутники там, за пределами всех человеческих взоров, существуют, то зачем они там и для чего такие красивые?

Кто восхитится узорами невиданных галактик? Вот мы, жители чудесной и неповторимой планеты Земля, такие сложные душевно-телесные существа, можем так никогда и не увидеть красоту иных неоткрытых миров, потому что ее навсегда сокроют в себе бесконечные дали. Но мы и вообще очень многого не видим и не знаем. Мы прочитываем за жизнь

довольно мало книг: всего несколько сотен в лучшем случае. Из семи миллиардов наших современников мы знакомы с очень узким кругом людей. Мы успеваем освоить всего несколько умений, одну-две профессии. Ну и что? Это совсем не беда. От нас требуется иное: надо стараться понимать то, что нам дано; а понимать — это обнимать мыслью и душой, вникать сердцем, любить.

Что любить — Вселенную? Ею можно любоваться, изучать ее, но всецело посвятить себя ей, совершить какой-нибудь исследовательский подвиг — для этого нужно что-то личное. Подвиги совершаются ради тех, кого любишь. Именами любимых называют новые звезды. И вот когда одному человеку удастся полюбить другого, то есть внести свет своего чистого чувства в еще недавно чужую ему жизнь, тогда в этом своем чувстве он открывает для себя целый мир, по-человечески красивый и теплый, живой: Вселенную обитаемую, наполненную дорогим присутствием.

О ТОМ, ЧТО ВСЕ НА СВЕТЕ - ВЕДИНСТВЕННОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ

В столярный цех при храме принесли однажды часть старинного фортепьяно, уцелевшую от пожара. Инструмент был австрийский, сделан в конце XVIII века в Зальцбурге. Наши столяры рассматривали внутренний угол корпуса, изучали способ сое-

динения двух деревянных полотен и восхищались: скрытая от глаз изнанка инструмента отполирована, покрыта лаком, собрана так, как иной раз и наружная сторона не выглядит. Если бы не пожар — так этот стык и остался бы тайной. Ребята уважительно качали головами, но вообще-то недоумевали: зачем австрийцы так старались?

- Ну и кто бы эту работу увидел? — усмехнулся один паренек.

- Как «кто»? — воскликнул я. — Мастер! Закончив труд, он мог оценить его объективно, сказать: очень хорошо, зер гут. Настоящий мастер самого себя судит строже всех, потому что тонко разбирается в своем ремесле.

Тайга в Сибири большая, вы знаете. Там не исчезли еще заповедные места, куда не ступала нога человека. И эти нетронутые чащи, не узнавшие твердых подошв скалы, прогалины без кострищ и берега ручьев без жестянок — первозданно красивы. Их кто видел?

А живое и яркое морское дно? Не самые глубины, нет — помельче и поближе, но куда еще не успели добраться туристы. Может быть, там укрывается в неизвестности неповторимое сочетание красок и форм — растения, раковины, свет и рыбы складываются в сказочные сады.

Или неоткрытые пещеры с известковыми сталагмитами и сталактитами, выросшими от капающей и сочащейся воды, тяжелыми, как люстры, и изящны-

ми, как застывшие струи фонтанов. Они переливаются всеми цветами радуги, когда посветят на них фонарем. Их кто видел?

Это «внутренние углы» мироздания, та его изнанка, до которой еще не добрался пыливый взгляд человека. Без изнанки нет лица, поэтому изнанка — у искусного мастера — должна быть прочной и нисколько не уступать тому, что видно сразу. Если убеждаешься, что «внутри» так же хорошо, как и снаружи, значит — мир не декорация, не халтура, какую выпускают люди в надежде быстро заработать, но в нем все предельно серьезно, добросовестно, на всем лежит печать мысли. Все части целого не просто в согласии, но все друг другу служат: гряда гор — плодородной долине, защищая ее от северного ветра; доктор — повару, и повар — доктору, а учитель тому и другому, потому что у обоих растут дети. В общем хоре у всякого явления — своя роль.

Поэтому, заметим, нет двух одинаковых деревьев, даже если эти деревья одной породы и растут рядом. Непременно две сестры-сосны будут хоть чем-нибудь различаться. И при этом сосна рождена в определенном климате, в своей родной среде. Она, как писал Лермонтов, произрастает на «севере диком», а «прекрасная пальма... в пустыне далекой». И вместе им, увы, не быть: ни сосне под тропическим солнцем, ни пальме в сыпучих снегах.

Всё на свете единственно. Земля наша тоже единственная в своем роде, у нее в галактике свое незаме-

нимое место, своя точка зрения на космос. И людей, ее населяющих, землян, больше нигде нет. Нет именно людей. А пребывает или отсутствует в мире иная разумная жизнь — это вопрос отдельный. На веру можете принять, что она есть, и составляют ее невидимые духовные существа, силы небесные — так называют их.

Жизнь людей является результатом взаимодействия разнообразных условий. Непостижимо многому в бесконечной Вселенной нужно было прийти к сочетанию, чтобы раскрылся, как цветок в саду, человек на Земле. Обладая исключительными возможностями и способностями, мы естественно назначены возделывать и хранить планету, познавать бескрайний мир, быть во Вселенной ее мыслящими голосами. Береза ветру не расскажет о том, какое над лесом чистое синее небо. Зато нам свои слова скажут все, и мы постараемся всех понять, потому что призваны соединять всё живое.

У каждого человека в мире — в текущий момент и в истории — уникальные отпечатки пальцев, неповторимая сетчатка глаза, неподражаемый тембр голоса, прикус зубов, разворот ступней при ходьбе, почерк и, наконец, свои родители, любовь, биография. Каждый — личность, то есть существо, одаренное талантом творить свою собственную судьбу.

А не проще было бы поставить на конвейер партию кукол: бледно-розовых, желтых, шоколадного цвета? Каждую выпустить в свет со встроенной программой: не курить, не ругаться гнилыми словами,

до брака хранить чистоту — чтобы были здоровыми будущие дети, не поступать жестоко, музыку не включать очень громко — чтобы у соседей не было истерики или приступа стенокардии. Словом, уважать старших и не вредить никому даже неумышленно. Покрывать бы земной шар такими говорящими куклами, киборгами. Вы не желаете быть куклой? Странно. Тогда чего же вы хотите: подраться, своровать и сесть в тюрьму? Тоже нет. Вы скажете, хотим посередине, чтобы не мертвыми, как роботы, и не безумными за компанию. Свободными.

Честно скажу, вы меня немного развеселили! Легко сказать — посередине! Чтобы ходить по канату, надо много тренироваться, и лучше всего с детства или хотя бы с юности. Видели когда-нибудь детей профессиональных циркачей? Они еще маленькие, а уже участвуют с папой и мамой в номере, да иногда в самом опасном трюке. И так всегда и во всем: нельзя без напряжения стать и остаться личностью, существом свободным и мыслящим. Поэтому человек живет так, как сам выбирает. Только бы действительно выбирать, думать! А то: имей свое мнение, выбери пепси-колу! И не спрашивай: нет ли еще чего-нибудь попить? Не поймут.

Вы, несомненно, догадываетесь, что только свобода выбора придает ценность любому решению. Помнится, в одном молодежном журнале предлагалось сделать выбор между гадостью большой и гадостью поменьше, но и намека не было на то, что всё

это вместе — безумие. Выбирать следует не между марками сигарет и формами уродства (производители отрав и ядовитой информации издеваются над нами и зарабатывают на нас деньги), но между «убивать себя» и «не убивать».

То же самое касается духовной и умственной жизни. Перед нами выбор: видеть в мире красоту и печаль мысли или ничего такого не замечать? Это очень важно, от этого зависит наша судьба. Замечать — значит взрослеть, становиться мудрым, сильным, всё более свободным. В конце концов, по-настоящему счастливым человеком. Может быть, я вас удивлю, если скажу, что подлинному счастью — это когда совесть чиста, в уме порядок, а в сердце и любовь, и радость о жизни, и благодарность за нее — тоже учат, как родному языку, алгебре или музыке. И прежде всего этому учат в семье, но и в хорошей школе, то есть в такой, где думают не только о показателях, но и о том, в какую сторону пойдет человек после: направо, налево... Заплутает или выйдет к цели?

КУДА НАПРАВИТЬ СИЛЫ

С чего начинается и чем наполнена человеческая жизнь первые лет пять? Заботой родителей, взрослых. Детей пеленают, моют, лечат, занимаются их питанием в широком смысле. Молоком, смесями и кашами, но и воспитанием. Ведь человек, как вы,

должно быть, слышали, есть то, что он ест. И ест он не одним ртом, но и глазами, ушами, всеми чувствами, чтобы напитать ум и сердце. Впитывает окружающий мир, его свет и силу, а потом это благо возвращает: благо дарит. А эгоист — прореха, он немного похож на черную дыру в космосе. Его питали-воспитывали, учили-лечили, а он рад стараться, богатеет в себя. Но это ему только так кажется. Он больше теряет, чем приобретает. Где можно увидеть эгоиста? Я думаю, в зеркале. Если не вылитого, то, по крайней мере, некоторые характерные черты...

Мне иногда с сознанием совершённого подвига рассказывают о том, как было трудно из голых стен квартиры создать прекрасное уютное жилище или на пустом месте возвести дом, разбить сад, проложить аллеи. Спору нет, как славно — облагораживать вокруг себя пространство. Но это так же естественно, как заботиться о своем здоровье и содержать тело в чистоте. Зубы себе почистил — ждате теперь общественного признания? Или награды за то, что сытно поел? Вот если бы мы в хосписе чистили зубы старикам и инвалидам, и еду отправляли туда, где ее не хватает... Хвалиться вообще некрасиво, но хвалиться тем, как поработал для себя, для своей семьи — странно.

Быть заботливым, чистоплотным, воспитанным, честным — это всего лишь норма. Не воровать, как вы думаете, хорошо или плохо? Ну правильно! Воровство — преступление! Когда в обществе учредят

ордена «За службу Родине без взяток», «За десять лет труда без воровства» или «За многолетнюю верность в супружеской жизни» — это будет означать, что сломалась шкала вечных ценностей: преступление вошло в норму, норма стала «подвигом» (вон уже ордена дают!), ну а подвиг и добродетель, героизм и святость вознеслись на небо, покинули с грустью людей.

Но задуман же был человек как существо, устремленное к лучшему, всё более и более светлое, святое. Вообще людям свойственно мечтать о счастье. По-разному мы себе его представляем, но ищут его почти все. Многие из вас хотят больше и основательнее знать — чтобы приносить пользу. И это не что иное, как врожденная тяга к совершенству. Иначе — внутренняя сила, энергия. От электроэнергии случаются пожары, это правда, но вырабатывается-то она, чтобы светить, возить, лечить, информацию передавать. В целом ясно: надо помочь человеку выбрать верное направление в жизни — всего-навсего.

Князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771 — 1844), был талантливым боевым генералом и выдающимся государственным деятелем Российской империи. Александр I назначил его на должность генерал-губернатора Москвы, разоренной и сожженной Наполеоном в 1812 году. Назначение князь получил не сразу после изгнания французов, а спустя восемь лет, в 1820-м, когда страна начала приходить в себя. Голицына император просил восстановить первопрестольную столицу.

В течение двадцати четырех лет управлял Московской князь Дмитрий Владимирович и приобрел за это время, как пишут историки, «искреннюю нелицемерную любовь москвичей». Он прокладывал проспекты и бульвары, разбивал сады, возводил фонтаны, осушал старые городские болота и чинил канализацию, строил больницы и приюты, открыл итальянскую оперу, поощрял российское купечество, покровительствовал университету, был уважаемым меценатом. В памяти потомков останется его кипучая благотворная деятельность во время эпидемии холеры в 1830 году.

Однажды, покинув тюремную камеру после разговора с заключенными, он обернулся к сопровождавшей его свите и заметил, что счастливцы, находящиеся на свободе, могли бы тоже оказаться за решеткой, и только правильное воспитание избавляет от неволи. От несвободы во всех смыслах.

Наверное, мудрому князю вспомнилось сразу многое, когда он сказал о воспитании: прежде всего заботливая и строгая мама, пережившая пять царей. Наталья Петровна Голицына родилась в 1740 году, а преставилась в 1837-м на 97-м году, во время царствования шестого государя императора Николая I. Она пользовалась особым уважением в правящих кругах, как живое олицетворение преемственности времен. Ее сын, один из главных сановников государства, уважал и почитал свою легендарную матушку. Пушкин в «Пиковой даме» изобразил ее в несколько

искаженном свете — сочинитель! — а она этого, конечно, не заслуживала. Была требовательна, собрана, временами сурова. Но каких сыновей воспитала! Нынешним и будущим мамам у нас в России есть с кого брать пример. Вспомнились князю, вероятно, годы сосредоточенной учебы дома и в Европе, проведенные бок о бок с ровесником братом, героем Бородинской битвы, как и он сам. Родители вложили свое сердечное тепло в сыновей, а сыновья согрели и утешили тысячи.

НАС ПОМНЯТ И ЛЮБЯТ И НИ С КЕМ НЕ ПЕРЕПУТАЮТ

Итак, подумаем о своей физической и душевной уникальности. Действительно, второго такого, как я или ты, не существует, каждый человек — единственный, бесконечно драгоценный, его ни с кем нельзя спутать и никогда нельзя забыть: поэтому только к такому, неповторимому, можно прикипеть сердцем. Когда тебя, маленького, любят мама и папа, бабушки, дедушки, ты без слов усваиваешь, кто ты для них.

Единственность — знак отличия. На ком этот знак стоит, того любят. Но если все — единственные, значит — я это понял давно, думая об убитых солдатах, лежащих на поле битвы, — где-то любят каждого. Когда каждый — неповторим, то это для того, чтобы любой из нас не потерялся в вечности, а сей-

час — в космосе. В двух-трех одинаковых вещах запутаться легко. Но дело в том, что на свете нет абсолютно неразличимых вещей, как нет и зеркально похожих людей.

Один близнец, по имени Александр, срочно вылетел за границу с каким-то заданием от фирмы и ничего лучшего не придумал, как послать своего брата Алексея, похожего на него как одна капля воды на другую — только мама их различала, — со своей девушкой в театр, чтобы та не обижалась. Саша опасался, что их дружба может прерваться. А девушка ничего не знала о существовании брата-близнеца.

Даны подробные инструкции, всё отрепетировано: какое мороженое Таня любит и чего она терпеть не может. Брат одет в костюм брата, ведет себя как разведчик, голос у него такой же. И на имя не свое откликается, привык в детском саду и в школе. Одних учителей сколько раз они разыгрывали: Саша учит русский, Леша — алгебру; экономят время. Так привыкли друг друга подменять и не подводить, что оба стали отличниками. После театра идет Таня с двойником своего кавалера по бульвару, а у самой сердце не на месте, необъяснимая тревога в груди. Всё вроде бы как всегда, но чувствует она неладное.

- Послушай, — говорит, — мне кажется, ты какой-то не такой сегодня. Может быть, я тебе больше не нравлюсь? Так и скажи. Расстанемся мирно. Посмотрю на тебя — всё тот же Саша. А душа почему-то незнакомая.

Лешу-близнеца эти слова застали врасплох, и он испуганно воскликнул:

- Да ты что, еще как нравишься! Подожди немножко, я скоро вернусь.

- А где ты сейчас? — осторожно спросила Таня.

- Я? — Алеша отчаянно пытался спасти ситуацию. — Я после всё расскажу.

И вот мальчишкой, читая о Бородинском сражении, потом о битве под Москвой в 41-м году, я рассуждал: если каждый из погибших был единственный и такого не было и больше не будет (а он что-нибудь слышал или видел, чего никто не знает и, конечно, детей своих жалел так, как никто не пожалует), значит, с его гибелью что-то пропало навсегда. Или нет? Где-то же должна быть такая память, в которой всё записано. Не похожий ни на кого для того-то от всех и отличается, чтобы его помнили. Но где и кто?

Когда я впервые, в детстве, подумал о смерти, эта мысль вызвала у меня не столько страх (хотя страшным холодом повеяло на душу), сколько недоумение и глубокое, идущее из сердца, несогласие: как же это, меня, которого так любят родители и который так рад, что живет на свете, и вдруг не будет? В рассказе «Что я люблю...» Виктора Драгунского отец спрашивает у сына на прогулке в зоопарке: «Ты что скачешь»? А сын отвечает: «Я скачу, что ты мой папа». И папа понимает. Распирают чувства. Потому что радости свойственно переливаться через край — прыгать, кружиться, сочинять стихи.

Живший три тысячи лет назад царь Израиля Давид — военачальник, мыслитель, поэт — любил Бога и всё Божье, то есть всякую святую вещь и драгоценность. Когда торжественно, с восклицаниями и трубными звуками, переносили главную святыню народа, ковчег Завета, в новую столицу Давида — Иерусалим, царь в одном льняном ефоде (длинной рубахе до пят) «скакал из всей силы пред Господом», и плясал, и играл на разных музыкальных орудиях, и раздавал дары. Скачущий сын пред Отцом-Богом.

П БЕСЕДА О БОГЕ

О ТОМ, КАК ВСЁ ВСТРЕЧАЕТСЯ В ОДНОЙ УЛЫБКЕ

Самый обыкновенный человек ежедневно воспринимает очень много впечатлений: узнает новое, вспоминает, мучается, блаженствует — он носит в душе бесконечный мир, и разве возможно этот мир положить в деревянный ящик и закопать в яму? Если в яму, то зачем тогда понадобилось привязывать нас так сильно, так нежно, друг ко другу? Столько всего почувствовать, и потом навсегда перестать улыбаться и надеяться? Исчезнуть? Нет, этого просто не может быть!

Человек, мы уже говорили об этом, запрограммирован на счастье, он живет с уверенностью, что счастье есть — впереди. Он как будто его потерял и всё время о нем вспоминает: об утраченном блаженстве.

Или не он потерял, а далекие предки, а ему осталась смутная память. Когда начинающему жить человеку вдруг скажут, что всё кончается смертью, это сообщение вступит в совершенное противоречие с тем, что он чувствует и понимает о жизни. Ясно, что самое неприятное, ненавистное для здорового человека — смерть. Небытие. А я есть. Мне, маленькому, было так очевидно, так просто понять, что одно никак не согласуется с другим.

И ранняя прохлада в розовом редееющем тумане, когда трава сверкает каплями росы, а воздух разрывается от ликующего щебета птиц... И я сам, способный это помнить... Разве можно допустить, что мир и я в нем промчимся, как прошлогоднее лето, что над моей доверчивостью кто-то зло шутит, объясняя мне, что всё, что мне нравится, не более чем тающая волна? Но нет, представить себе этого никак нельзя.

На что ни кинешь взгляд, о чем ни задумаешься, всё предельно серьезно — как видимое, так и то, что внутри; всё учит верности, основательности, надо только искать смысл; нужна точка опоры, просто что-то надежное. И я это надежное угадывал. Но в чем? В мире и на себе я чувствовал ласковый взгляд, великое и доброе присутствие какой-то силы. А может быть, очень хотел, чтобы так было. Чтобы всё доброе оставалось навсегда. Чтобы все дети и родители, вообще все люди никогда не расставались; чтобы нас всех кто-то любил сильнее, чем мы можем сами. Тогда бы нечего было бояться.

Хотя я и слышал уже о существовании по имени Бог, но никак не соединял с ним икону в комнате соседей. В нашей коммунальной квартире в центре Москвы проживало сразу три семьи. В один прекрасный день я об иконе подумал и, улучив удобный момент, когда соседка ушла развешивать белье на двор, отворил дверь в ее комнату. Большой и важный вопрос томил меня, но нужные слова не приходили на ум. Я приблизился к стеклянному узкому шкафу в углу и, подняв глаза, беззвучно спросил: «Боже, ты есть?» Больше ничего не говорил. Стоял, молчал и смотрел в глаза на иконе. Помню, что мне не хотелось уходить. Я вдруг услышал, как громко тикают часы. И заметил, что мне легко, так воздушно и тихо, как никогда до этого не бывало, что мне сейчас хочется сразу много: смеяться, плакать, кого-нибудь обнять. Я ни о чем уже не хотел спрашивать, чтобы не нарушить того светлого покоя, который наступил всюду: в доме и за окном, в мыслях, на сердце.

Но когда я вернулся к себе, в свою привычную обстановку, я сразу вспомнил, что друг нашей семьи, биолог, гитарист, шутник, утверждал, что жизнь была всегда и что она сама всё рождает, не задумываясь. Я вспомнил это, и мне снова стало тоскливо. С этой холодной рекой по имени Жизнь, текущей из бесконечности в бесконечность, ну можно ли с ней о чем-нибудь договориться? О том, например, чтобы не умирать? Если она не умная, эта река, не умеет жалеть и менять свои решения, тогда единственный ум

в мире — это человек. Но человек похож на пар, дымок: вчера его не было совсем, сегодня возник, завтра исчезнет, и не всё ли ему равно, быть добрым или злым, строить или разрушать? И мне совсем неинтересно надеяться на себя, то есть опираться на дым.

Но если есть Бог, тогда, во-первых, я не дым. Тогда, во-вторых, всё доброе Он принимает, как красивые цветы и полезные плоды, а всё злое выбрасывает, как ни к чему не годное. В-третьих, всё на свете получается к месту и складно, потому что у всего появляется цель: время течет не в бездну, а к бессмертной жизни. У такой жизни не может не быть автора — Творца. Он есть зоркий ум и любящее сердце Вселенной. В мире Его присутствие таинственно, но оно в нем — главное. Как и в человеке главное то, что он чувствует и как он думает, но не сколько весит и какого цвета у него кожа.

А икона в шкафчике за стеклом, я забыл сказать, была очень необычной. На ней Богу улыбается. На нее без улыбки смотреть нельзя. Он словно летит навстречу.

Из соседской комнаты я, конечно, вышел другим человеком: сердце мое наполнилось чем-то очень радостным и важным, как тайна. При этом необычная тайна. Ее было трудно скрывать. Она как будто сама просилась на язык, требовала, чтобы ее не таили. Но как рассказать о чувствах? Спеть, сочинить мелодию, развести краски на бумаге или на холсте, станцевать? Каждый поймет меня приблизительно.

Поразмыслив, я начал подбирать убедительные и точные слова. Моего личного опыта не хватало. К счастью, находились книги, написанные людьми, которых волновали те же вопросы, что и меня, когда я стоял перед иконой улыбающегося Иисуса Христа. Долгим зимним вечером, листая большой старый Словарь Брокгауза и Ефрона, я набрел на статью под названием, от которого даже ахнул и захлопал в ладоши: «Бог». В статье излагались ни мало ни много доказательства Его существования.

ДОЛГО ДУМАТЬ ИЛИ СРАЗУ ВИДЕТЬ?

А стоит ли доказывать, рассуждать? Говорит же пословица: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Давайте покажите, и не будем тратить слов.

Кого показать? Бог не избегает нас. Просто наше состояние таково, что до Божией высоты нам нужно дорасти. Прямо сейчас осязательно открыться людям, которые «подслеповаты», ограничены познаниями и нестойки чувствами, значило бы поступить по отношению к ним безжалостно. Бог всё может, но человек не готов к встрече с Ним.

Бога ни с кем сравнить нельзя; Он бесконечно богаче, совершенней, сильнее всего, что существует в мироздании. Человек перед Богом — это даже не беспомощный ребенок перед грохочущей океанской волной и не тонкая травинка перед раскаленным громад-

ным солнцем: человек невыразимо меньше. Но Бог так благ, так осторожен с нами, что мы расстояния между нами не видим. Зато видим сны, и фантазируем наяву, и мысли у нас — очень легкие. А ведь один взгляд Его любящих и всё понимающих глаз обжег бы совесть, если бы нам дано было чутким и чистым сердцем почувствовать, что вот — перед нами Он, смотрит в душу. Неподготовленные, мы не выдержим встречи с Ним лицом к лицу. И Бог это знает очень хорошо, поэтому Он нас щадит и нас, трудно и медленно растущих, терпеливо готовит к будущей встрече.

В средней и высшей школе учат решать задачи, анализировать и делать выводы. Чему учат начинающих музыкантов и художников? Слышать и видеть гармонию и красоту окружающего мира. Чему учит Церковь? Чувствовать бесконечное богатство жизни, правильно мыслить о нем и, постепенно умнея, видеть во всем Божию любовь, пребывать в этой любви.

Всякое обучение начинается издалека: например, от беспорядка оно стремится к стройности; идет от простого к сложному; от неясности к прозрачной чистоте. Охотнику-папуасу, обитающему в глухих лесах Новой Гвинеи, показывать картинную галерею, или держать его в зале консерватории на концерте, или даже на его родном языке доказывать ему теорему Пифагора, если он пока еще в школу не ходил, — только мучить беднягу.

Как-то в храме я попросил одного человека прислушаться к тому, что сейчас прочитают:

- Ну что, понятно было то чтение, обратили тогда внимание? — спросил я после службы.

- Нет, — ответил он, — церковнославянскому языку не учился.

- А мы читали по-русски, — вздохнул я, — специально для вас.

Выяснилось, что слова-то ему почти все были понятны, а неизвестны имена и события, отрывочные сведения о которых прозвучали в прочтенном отрывке.

Лакей Чичикова Петрушка, из «Мертвых душ» Гоголя, имел «благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся». Ему нравился «процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово». А химия у него в руках, букварь или молитвослов — ему было совершенно все равно. Странно, правда? Просто так буквы складывать в слова. Как королеве траву жевать. Нет, нам нельзя разлучать слова со смыслом; дни, месяцы и годы — с целью жизни.

Мир отражается в зеркале души, и необходимо для верного и глубокого восприятия мира, чтобы душа была чистой. Грязная мысль, злое или неприличное слово, нечестный поступок оставляют на душе следы, пачкают зеркало. Что уж там может изобразиться, в такой душе?

Рассуждать проще. Доказательство, как свеча или фонарь, освещает пространство вокруг смотрящего ума. В Логическом словаре Академии наук определе-

но: «Доказательство — логическое действие, в процессе которого истинность какой-либо мысли обосновывается с помощью других мыслей». Взаимно проясняя друг друга, обдуманное и честное слова укрепляют наши чувства и подводят нас к тому, чтобы мы когда-нибудь всем существом — телом и душой — смогли увидеть Истину.

Ясно? Уму, чтобы видеть, нужны светлые мысли. А душе, среди прочего, умственная чистота. Очищать душу от грязи труднее, чем накапливать знания. Но, с другой стороны, ученик, небогатый опытом, еще не знает, что ему делать, с чего начать. Итак, начнем с чего-нибудь простого. Дадим пищу уму.

I

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОЖИЯ

Космологическое и телеологическое доказательства — самые древние. Они возникли из наблюдений над внешним миром. Их приводят уже знаменитые греки: философы Анаксагор, Платон и Аристотель. Если всё на свете имеет свою причину и цель, то должны существовать причина причин и цель целей.

Космологическое доказательство представляет нам панораму стройного и упорядоченного мира, в котором все явления и предметы взаимообусловлены: одна вещь или лицо непременно выступают причиной другой, другого. Но, прослеживая причинно-

следственную цепочку, мы неизбежно должны будем, по мысли философов, прийти к окончательной причине, или самой первой, безусловной. Иначе нас ждет безвыходное и бессмысленное вращение: ем, чтобы жить, и живу, чтобы есть.

Откуда на вас рубашка? Из магазина. Туда принесла ее портниха, сшившая свое изделие из ткани, вытканной на фабрике. За ближайшими причинами встают отдаленные: ткань произведена из льна или хлопка, собранного с полей. И вот дальним планом видятся эти распаханые поля, весеннее тепло. В былые времена, когда еще не кормили почву химическими кашами и порошками, люди молились об урожае. Молились о теплой погоде, солнце и дожде. Значит, последняя причина рубашки — Земля и ее атмосфера? Но Земля же вертится вокруг Солнца. Она в космосе. Может быть, тогда на космосе пора остановиться? Нельзя. Это было бы признаком скудоумия и лукавства, или трусости. Надо договаривать до конца. Кто запустил всю эту цепную реакцию, все на свете процессы? Необходимо должно быть Существо, Которое не нуждается ни в каком побуждении извне, но стоит в начале начал.

Каждый мой поступок имеет причину и цель, а моя жизнь есть совокупность поступков, следовательно, моя жизнь имеет и причину, и цель. Но моя жизнь есть часть жизни вообще, значит — у жизни в целом есть причина и цель. Но жизнь в целом есть нечто настолько великое, что оно превосходит

все возможности моего ума. Отсюда вывод: та самая Причина, которой не может не быть у Жизни-в-целом, превосходит человеческий ум, она есть Причина всех умов и всех форм и "времени и пространства. Ее даже нельзя, не исказив, назвать Причиной Самой Себя, но Она есть абсолютная и непостижимая полнота всего: Бог. Он предстает нам изначальной творческой силой, воззвавшей жизнь из небытия.

Второе доказательство, телеологическое (от греческого *telos* — цель, и *logos* — слово, учение) — ясное и убедительное. Сократ в диалогах Платона, Иов в Библии описывают его, и в Послании к Римлянам прибегает к нему апостол Павел. Всё в мире устроено премудро, целесообразно, все части целого служат друг другу. Мир — сложнейшая и превосходно продуманная система; взирая на него, изумляешься его красоте, согласию частей и разлитой в нем любви к каждой травинке и букашке, не говоря о любви к человеку. Мир свидетельствует не только о Божественном всемогуществе, но говорит нам, что внемирная сила Божия изумительно дальновидна, бесконечно мудра, что Бог есть разумная личность. Он — Верховный Ум; поэт, живописец и инженер мира. Невозможно представить книгу или художественное полотно, которые продумали бы сами себя, а потом сами бы и написались. «Вечная сила» Божия, говорит апостол Павел, открывается «через рассматривание творений». Вселенная, в которой всё до мелочей взвешено, сбалансировано и распределено целесообразно, сама явля-

ется лучшим доказательством того, что Творец мира, разумен и, конечно, благ, i

Онтологическое доказательство и нравственное появились и уточнялись в Средние века и в Новое время. Они обращены к внутреннему миру человека и возникли из наблюдений ума над жизнью души.

Онтологическое (от греческого *ontos* — сущее) доказательство исходит из того, что здоровому человеку свойственно жить в согласии с самим собой и с окружающим его миром. То, что человек имеет в мыслях, не только не должно противоречить внешней действительности, но внешнее и внутреннее должны пребывать в гармонии, одно другим подтверждаться и обосновываться. Кроме того, человек, естественно, стремится к лучшему, к более совершенному. С понятием об идеале он рождается. Но в чем или в ком для него — полнота совершенства? Для авторов данного доказательства, богословов Средневековья Блаженного Августина, Ансельма Кентерберийского, всесовершенным существом является Бог.

Но если Бог — высочайший идеал, полнота бытия, средоточие всех планов и уровней реальности, тогда Его совершенство не может ограничиваться моим сознанием. Если я только в уме своем представляю Его абсолютно совершенным и не распространяю своего понятия о Боге на внешний мир, то противоречу самому себе, потому что совершеннее то, что существует и в сознании, и в окружающем мире, нежели то, что существует в одном моем сознании. Душа живет с

мыслью о Боге — всереальной совокупности всех совершенств, а это значит, что Бог есть.

Нравственное доказательство сформулировано немецким философом Кантом. Кант подверг последовательной критике процессы мышления, операции ума. А объективную и неразложимую на составные части реальность внутреннего мира он обнаружил в феномене совести. Философ увидел, что человеческая совесть настойчиво требует, чтобы нравственный закон — был. И реальность нравственного закона никак не связана ни с индивидуальной выгодой, ни с определенными общественными отношениями. Чувство нравственного долга, или внутреннее требование существования нравственного закона, естественно и нормально для человека, и по-прать в себе этот закон человеку трудно — надо перестать быть человеком.

Всеобщность и неизменность нравственного закона ясно говорит, что автором его является верховный законодатель нравственного мира. Человеку присуще внутреннее требование справедливости. Но идиллия, соединяющая добродетель и счастье, редко встречается в земной жизни. А вера в торжество добродетели, без чего не может быть и счастья, в человечестве неистребима. Следовательно, должно быть существо, которое сможет утолить боль и печаль, вернуть друг другу разлученных, воздать добру по заслугам. И этим существом не может не быть святой, любящий и всемогущий Бог.

Есть еще одно доказательство бытия Божия, которое некоторые критики доказательством не считают, а напрасно. Историческое. Оно очень древнее. Некогда греческие и римские мыслители обратили внимание на очевидный факт: в мире нет народа, племени, патриархальной семьи, вовсе лишенных религиозных представлений и обычаев. Последние разнообразны, но это говорит лишь о том, что реальность бытия Бога преломляется и отражается в реальности человеческой сообразно с уровнем нравственности и культуры людей. Но в любом случае всеобщность веры в Высшее Существо, или в некие невидимые силы, доказывает существование объективного источника веры. То есть Бога, познать Которого как Бога дано, увы, не всем.

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД БОГОМ

Спросим себя еще раз: зачем все эти доказательства? Что, без них как-то хуже, а с ними сразу легче? Ну прошел день, и ладно, чего тут долго думать? И вообще, сколько проживу, столько и проживу. Главное, чтобы с удовольствием.

Конечно, это важно. Только с каким удовольствием? С растительным? Вот нежится травка на солнце весеннем... Но она об этом не знает. С животным? Задрал медведь лося и урчит от наслаждения, жрет теплое мясо. Потом спать пойдет.

Человек не может жить без вопроса в душе: зачем я живу? Трава, плесень, хищник существуют, чтобы побыть и умереть. А человек — чтобы стать лучше и затем жить всегда, и не в чужой памяти, а в своем, что называется, уме. Человеческая жизнь принципиально отличается от жизни вирусов, грибов, растений и животных. А о сути различия надо не заученно помнить: эту суть надо чувствовать всеми фибрами души. Чтобы не забывать и чувствовать, полезно периодически задумываться о вещах, казалось бы, простых и очевидных.

Кто себя сегодня видел в зеркале? А посмотрите друг на друга. Образ человека всегда перед глазами. Но кто есть человек? Какой он? В душе пророка, царя и поэта Давида этот вопрос возникал регулярно и, как правило, в связи с раздумьями о тайне жизни и ее Творце. «Господи, Господь наш, как чудно имя Твое по всей земле! — поет он в одном из псалмов. — Вот смотрю на небеса, деяние рук Твоих, на луну и звезды, сотворенные Тобою! Кто есть человек, что помнишь Ты его? [...] Умалил Ты его лишь немногим пред ангелами, славою и честью увенчал его; и поставил его над делами рук Твоих, всё покорил под ноги его...»

Человек — умный. Хотя умственно неразвитые люди не так уж редки, но не отсталость является отличительным свойством Человека разумного. Какой он еще? Целеустремленный, волевой. А еще он, в идеале, сострадательный и отзывчивый, добрый.

Человек любит справедливость, ищет правду, способен критически оценивать свои слова и поступки.

Наблюдая за собой, человек видит, что жизнь его далеко не сводится к удовлетворению телесных потребностей, но что самое существенное в нем, то есть его личность, душа, — не телесного, а невидимого, духовного свойства. А раз так, то он и не ограничен телесно: его душу нельзя запереть под замок, растворить в кислоте, застрелить или распилить по полам. Однажды появившись, она существует. Человек живет, и телесная смерть для него — не исчезновение души, а ее переход. Куда-нибудь душа да попадет. Вот только куда?

Куда бы она ни попала в результате или по итогам земного своего житья-бытья, сейчас уже вы можете душой перемещаться на огромные расстояния. Особенно если вы... любите. Так матери невидимо и неотлучно были со своими сыновьями-солдатами во время войны и молитвами к Богу спасали детей от пули и пожара, мороза и потопа.

Одна старушка — горячо верующий человек — незадолго до смерти, уже не вставая с постели, спросила у сына: «Сыночка, что там было у вас, осень тогда настала? Я после Рождества Богородицы прямо потерялась: слышу гул в ушах, и все коленки простояла в святом углу, ой стою к Матушке-Владычице и к Угоднику, а на Здвиженье сразу полегло». Она имела в виду неделю между церковными праздниками: Рождеством Божией Матери — 21 сентября

и Воздвижением Креста Господня — 27 сентября, в 1943 году. Сын вспомнил, что 23 сентября он с товарищами по 40-й Воронежской армии на плоту, наскоро сколоченном тут же на рассвете, переправлялся через утренний Днепр. На середине реки на плоты и лодки обрушился шквальный огонь немцев со встречного возвышенного берега. Вода кипела и пенилась от снарядов и пулеметных очередей. На сушу выполз он один; все, кто были рядом, погибли.

Вот так и жены чутким сердцем знают, что где-то в свирепом океане или высоко в облаках их мужьям, летчикам или морякам, грозит беда. Для любви нет расстояний, она вездесуща.

Библия сообщает нам в первой же главе, в рассказе о Сотворении мира, что Бог создал человека по Своему образу и по Своему подобию. Это означает среди прочего, что свойства Божий вложены в нашу душу и, при желании и усилении с нашей стороны, эти сокрытые в нас духовные зерна, потаённые силы, возрастут, принесут плоды.

Вот Бог — всемогущий. И резервы человеческих возможностей огромны. Бог всеведущий. И признаком души нестарой является желание учиться, любовь к познанию всё более важному и полезному, а значит, трудному.

Бог богат всем, Он — полнота всего. Поэтому о Нем говорят, что Он вседовольный и всеблаженный. Он — совершенная радость. Разве во всем этом мы нашего Создателя напоминаем? Безусловно, подо-

бие усматривается и здесь. Стремление к обладанию тем, чего нам не хватает — длинный список можно составить, в котором будут упомянуты нехватка здоровья, успеха, денег, любви и даже какой-нибудь конкретной чепухи типа нового автомобиля или трехэтажного дома, — само стремление к восполнению недостающего говорит о том, что в нас не умерло воспоминание о полноте бытия, мечта о совершенной радости. Другое дело, что полноту бытия и счастья мы, по неразвитости, отождествляем с такими вещами и состояниями, которые настоящую полноту и радость не могут дать. Нужно подсказывать в начале жизни, на что следует направлять энергию.

Еще мы — творческие личности. А еще — особенно девочки, будущие мамы, но и мужчины тоже — не можем жить без заботы хотя бы о ком-то.

НЕ ПУП ЗЕМЛИ, НО СОВЕСТЬ ВСЕЛЕННОЙ

Человек, единственный из видимых существ, отдает себе отчет в том, что он родился в мире, идеально устроенном для жизни, и что он сам отлично приспособлен для того, чтобы питаться миром, получать из него всё полезное.

Действительно, мир устроен очень точно: он досконально продуман и изумительно верно рассчитан. Законы термодинамики, химический состав воды и воздуха, магнитные поля — одним словом,

все параметры системы планеты Земля находятся в таком тонком равновесии, в таком гармоничном взаимодействии, что уклонись земной шар в своем полете вокруг Солнца на один градус, как немедленно последуют глобальные изменения в среде нашего обитания. Земля покроется льдом или станет раскаленной пустыней.

Но мы пока еще можем существовать на Земле, в Солнечной системе. Солнечная система является частью своей Галактики, та — Метагалактики, и всё обнимается необъятной Вселенной. Это похоже на сферы лепестков: развернем первый слой, внутри не менее красивый второй, затем чудесный третий. И наконец, в центре мироздания, как в чашечке цветка, тончайший чуткий усик, разумная нервная струнка — человек. Единственно умный, чувствующий совершенство мира и любовь Создателя. Отвечающий на эту любовь взаимностью, возвращающий благо Дарителю. Благодарное существо — человек.

И сам он рассчитан точно: малейшее нарушение во внутренних органах или в психике, и человек увядает, быстро стареет, кончается. И напротив, когда осмысленно относится к жизни, заботится о здоровье и об окружающем мире, тогда выстраивает в себе иерархию жизни: духом, или сердцем, общается с Богом и, как следствие, приобретает возможность духовно руководить силами души. Одухотворенная душа тогда начинает разумно распоряжаться телом. А тело премудро пользоваться Землей.

Но насколько «хорошо» у нас это получается, мы можем судить по состоянию экологии: последние лет сто пятьдесят человек с ускорением разрушает Землю и истребляет всё, что на ней; душа живет не духом, а звериными страстями. И никакие капиталовложения грозящую катастрофу не отвратят: изменить положение в лучшую сторону может только перемена в мировоззрении, благодарное и бережное отношение к жизни. Кратко говоря: пробуждение совести, которая есть голос Божий в душе.

Удивительная продуманность космоса и не менее удивительная — человека несомненны. Элементарный математический анализ ясно говорит, что вероятность случайного возникновения большого мира — макрокосма и в нем разумного человека — микрокосма ничтожна, невероятно мала. Могли ли блуждающие молекулы так гениально перетасоваться, чтобы появилась жизнь? Возможность такого чуда равна 10^{255} . Эта цифра убеждает в фактической невозможности случайного возникновения жизни.

Известный богослов профессор А.И. Осипов в кни. е «Путь разума в поисках истины» приводит слова американского биолога Бен Хобринка: «Вероятность того, что клетка возникнет самопроизвольно, по меньшей мере равна вероятности того, что какая-нибудь обезьяна 400 раз напечатает полный текст Библии без единой ошибки!»

Итак, человек — существо благодарное, разумное, ответственное. Речь у нас, заметьте, всё вре-

мя идет о нормальном, нравственно здоровом человеке. Не о каком-нибудь негодяе, который подделывает лекарства, детские продукты или распространяет наркотики, зарабатывая на смерти своих соседей по Земле и родственников по человечеству. Перечисляя свойства человека, мы имеем в виду норму: здоровую и цельную личность.

Еще человек — свободная душа. Свобода — это ключевое свойство жизни. Можно изобрести великолепного биоробота со сверхинтеллектуальными способностями, ужасно сильного, легко перемещающегося в пространстве, изысканно предупредительного. Многие возможности, из перечисленных выше, без проблем укладываются в соответствующую компьютерную программу. Но человек — вспомним Гамлета — это возможность быть или не быть. Быть отзывчивым или безразличным. При всем уме. Благодарным или наглым. При всех талантах. Трудолюбивым или паразитом. Сострадательным и любящим. Любящим Бога. Или?..

Мы всегда свободны поступать так или иначе. Свобода похожа на ключ, которым открывается дверь в настоящую жизнь. До этой двери нужно, во-первых, добраться, а во-вторых, чтобы повернуть ключ — какой ответственный миг! — необходима решимость. От свободного выбора зависит наша победа в жизни или поражение. Свобода с умом становится началом нескончаемой радости, а без ума толкает в бездну. И мы, если у нас с головой и душой все

нормально, желаем, чтобы наша свобода открыла в нас рост и укрепление жизни именно человеческой, а не прозябание бездумно-органическое. Ведь отличительным свойством человеческой жизни должна быть ее нравственная целеустремленность. Человек не дрожжи и не плесень, он не должен пухнуть от времени. Правильно и объективно он мыслит о себе или нет, но на одном месте он не стоит, а непременно движется, и при этом не беспорядочно, а в определенном направлении, то есть со знаком плюс или минус, вверх или вниз, к Богу или прочь от Него.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Первые люди, Адам и Ева, были свободными. Кстати, я думаю, вам понятно, что когда-то людей на Земле было совсем мало, а вначале всего только двое — самых первых. Вот за окном проехала машина картошки; вы не сомневаетесь, что все эти центнеры в кузове произошли постепенно от одной-единственной картофелины? Если от многих обезьян произошли люди, то и сейчас они по-прежнему должны появляться от того же длиннорукого и прыгучего племени. Но ни массового, ни единичного перехода обезьян в люди мы не наблюдаем в истории человечества. А вот деградация, к сожалению, возможна.

Так вот, Адам и Ева были чрезвычайно одаренными людьми. Острый ум Адама позволял ему про-

видеть сущность — улавливать самое главное — каждого живого существа и давать существам имена-определения. Он обладал пронизательным умом, тонко чувствующим сердцем и, конечно, великим даром слова. Присваивая какой-нибудь скотинке или птице имя, он собирал в нем, как в некоем шифре, все свойства, все черты живой души; он обозначал именем сокрытое в душе призвание. Изначально духовно-телесное состояние Адама и Евы существенно отличалось от нашего. Каждый прожитый ими день не развлекал их бесполезно, мир не лишал их чистоты, тем более не вредил им и не старил их, но обновлял и укреплял жизненные силы наших прародителей.

А мы как только рождаемся, так сразу — если взглянуть в будущее из нашего сегодня — делаем первый шаг к могиле. С одной стороны, это, казалось бы, грустно, но вообще-то честно и милосердно. Мы уже слышали — надо просто хорошо усвоить это известие и меры вовремя принять, — что смерть не тупик, а переход.

Выйдя из рук Божиих, Адам и Ева сделали первый шаг к бессмертию. В них любое качество развивалось в направлении совершенства. Они жили в раю, пребывали в гармонии с собой и с тем, что их окружало. Мир был для них родным и целым. В эту цельность преступно было вносить разделение.

Вот смерть, как ее понимать, что она такое? Внешне — это разъединение элементов, распад.

Смертью человека называется разлучение души и тела. Не исчезновение, заметим, но именно разлучка, прощание. У усопших людей, упокоившихся, у тех, которых хоронят, люди бодрствующие, деятельные просят прощения, прощаются с ними. Прости-прощай, говорят живые уснувшим, до встречи. Итак, есть смерть видимая, мы на нее сейчас указали. А есть невидимая, которая не сразу дает о себе знать. Невидимая — это когда душа, при рождении получившая некоторый запас сил, разлучается с источником любви и света, с Богом, не общается с Ним и понемногу умирает, увлекая в вечную темноту свое тело.

Развиваться в направлении совершенства — это как? Очевидно, это всегда восходить к лучшему и большему. Адаму не хватало знаний? Знал-то он много и глубоко. Каких-то возможностей ему не доставало? Всё ему позволил Бог: всё, что доставляло пользу и радость. Счастьем был обделен? Наверное, нет. Так куда же лучше?

Он оценить своего счастья не мог. Ему всё досталось даром: родился царем природы. Чтобы встать на путь к совершенству, Адаму нужно было возмужать, защитить свое счастье. Свободно отвергнуть зло.

Бог заповедал Адаму не есть от дерева познания добра и зла, предупредив его, что если он вкусит запретных плодов, то умрет. Ядовитым ли выросло дерево? Нет, и помыслить такое невозможно. Ну как бы

мог любящий отец вырастить в раю ядовитые плоды, да еще показать их детям? Химически это дерево от других растений не отличалось. Адам мог слышать: из всех ручьев, ключей и водопадов пей, но не из этого — умрешь. На всё смотри и любуйся, а на этом цветке не задерживай взгляда — погибнешь. Зло не в том, что нас окружает, — оно притаилось в нас. Не в ноже польза или беда, а в руке, которая берет нож или для того, чтобы нарезать хлеб, или хватает его для разбоя.

Согласились Адам и Ева со змеем, соблаздившим первых людей не послушаться Бога, и добрые души их пожелали родить в себе измену. Они не забыли вконец добра, но к добру примешали зло. К чему годится бочка меда, в которой половина — деготь? Вы не все знаете, что такое деготь, зато все — что такое грязь.

Первые люди предали Божие доверие. Что было делать Творцу? Скомкать едва возникшую земную историю, как неудачный черновик, и запустить творение сначала? Но где гарантия, что всё это не будет повторяться до бесконечности? Нет, жизнь — не игрушка. В ней всё серьезно: значит — неповторимо.

Итак, снова встать на дорогу, ведущую к совершенству, можно было только свободным личным решением. Адам и Ева, а в них и всё человечество, удалились от любви и преданности своему Отцу. Сами отказались. Поэтому сами, по вольной воле, должны возвратиться.

Но как? Кто подскажет дорогу? Тем более что люди со временем успели страшно заблудиться. Бог терпеливо напоминает о Себе в веках: вдохновляет особо чутких людей, и они пророчествуют о Нем; воспитывает праведников, и они хранят Его заветы и законы. Кропотливо трудится над поколениями свободных и помнящих Его душ, чтобы в среде чело- веков родилась одна-единственная редкая душа, самая, может быть, чистая и самая глубокая. Это Дева Мария. Ей Он предложит, через архангела Гавриила, стать Его Матерью. От нее станет ожидать согласия на то, чтобы позволить Ему смиренно войти в жизнь людей, в человеческую историю. Так, как входят в мир все люди, рождаясь от мамы. Пречистая Дева согласилась. В это мгновение, наверное, Небеса вздохнули с облегчением и воскликнули от радости.

Когда Бог родился в маленьком городке Вифлееме, в сыром загоне для скота, тогда об этом узнали на Земле немногие. Заранее это было известно волхвам, троим богатым и образованным мужам из далекой восточной страны. Они хранили пророчество о рождении необыкновенного Младенца, Которого называли «Царь Иудейский». Кто Он в действительности, всю правду о Нем они не знали. Но, повинувшись неведомой силе, прибыли в Вифлеем с символическими подарками воздать честь Новорожденному.

Прибежали в город пастухи с ближайшего поля. Они услышали, что только что родился на радость всем людям Спаситель, Христос Господь. Но и они

не могли понять, что это значит. Когда, будучи лет тридцати, Христос пришел к Иоанну на Иордан принять Крещение, Иоанну было особое видение. Он увидел то, что, по определению, видеть невозможно: Духа. И услышал голос Великого Господа Вседержителя. Иоанн постиг сердцем и удостоверился глазами и слухом, что Бог иудеев, Бог его отцов, Творец всего мира, вошел в этого скромного человека, то есть принял человеческое лицо; и что на пришедшего мужа нисходит Дух Святой в виде голубя. Это было явление Святой Троицы: единая Божественная природа открылась в трех личностях, в трех лицах. Открылась после того, как Христос стал человеком, сохранив в Себе Божество.

Вот все мы, находящиеся сейчас здесь, по природе люди, обладатели общего человеческого естества. Но каждый из нас — неповторимая личность, уникальное лицо. И таких личностей сегодня на планете более шести миллиардов. Бог-Троица обладает единой Божественной природой, в которой — три вечные, бесконечно любящие друг друга личности: Отец, Сын и Святой Дух. Сын Божий, Иисус Христос, Один из Трех, в Своем Лице соединяет две природы: необъятную и всесовершенную Божественную, и ограниченную и нуждающуюся человеческую. Бог и человек встретились и стали Одним Лицом. Может ли быть большее, чем во Христе, родство Бога и человека? И иная, большая, чем эта, надежда на бессмертие? Через нашу собственную человеческую

природу, соединенную со Христом, нам открыт путь в Божественную вечность.

Бог, всемогущий и непостижимый, превосходящий всё, что можно помыслить, вмещается в Младенца Иисуса, возрастает в доме Своего отчима Иосифа, выходит на проповедь о близкой вечности и новой жизни в ней. И почти сразу вызывает ненависть людей, увидевших в Его словах угрозу своим деньгам и власти. Пропуском в вечное Царство Божие является «жизнь не для себя», а высшее осуществление такой жизни — это жертвенная любовь. Проповедь о ней необходимо было подтвердить делом, и дело это — Крест, на котором Иисус Христос захотел быть распятым.

]

ОБЩЕНИЕ С БОГОМ

Вообще, вся жизнь Христа Спасителя есть трудная дорога, постепенное восхождение к тому последнему бою, который Он дал сатане и смерти. Победить смерть Он должен был не как видимого злобно-го врага. Ну одного врага бы уничтожил, ну другого. А зло всё производило бы и производило новых. Нет, нужно было духовной победой утвердить в мире невидимое, таинственное Царство жизни — Церковь — в которую человек, пожелавший не умирать, входил бы как в здание, но, войдя, оказывался бы не просто в красивом и сверкающем или скромном и уютном

храме, но в бессмертной жизни. Накануне рождения Спасителя смерть пропитала собой всё, она проникла до самой глубины человеческого существа, и Бог стал человеком по имени Иисус Христос, соединился с нашим естеством, чтобы в Себе Самом смерть убить.

Например, убивает предательство тот, кто не проговаривается на допросе, не выдает врагу своих. Христос победил смерть тем, что не поддался на уговоры и не дрогнул под пытками сатаны, не выдал ему людей, но все наши слабости и пороки собрал в Себе и, из любви к нам, распял их. Чтобы излечить человека от болезни смертной. Его любовь к нам оказалась сильнее всякого другого чувства и соображения. Сатана же понимал, что именно в Этом Человеке, как ни в каком ином в истории, он не найдет для себя ничего близкого. Этот Человек — Самый чужой сатане, непостижимый для него, необъяснимо светлый и чистый. И поэтому вся ненависть мира, вся накопленная в веках злоба обрушилась на Христа с яростью. Чтобы растерзать Его Плоть. А Он для того и родился в Вифлееме, для того и воспитался в Назарете, чтобы взойти на Крест в Иерусалиме и всколыхнуть на все времена целый мир: от Гренландии до Новой Зеландии. Ко Кресту Он идет неспешно, пыльными дорогами Галилеи и Иудеи; выходит задолго, за несколько лет.

Во время пути Он готовит к предстоящим событиям своих преданных учеников, апостолов. Говорит

о том, что Ему предстоит быть схваченным правителями народа, что Его будут допрашивать и мучить, что в конце концов убьют. Но на третий день Он воскреснет. Ученики ничего не понимали из Его слов. Исполняя задуманное, Он посылает апостолов впереди Себя с миссией возвещать приближившуюся новую жизнь: Царство Небесное. При этом дает им силу исцелять самые разные болезни и даже воскрешать.

Проповедь и деятельность апостолов оказалась довольно успешной, так что когда Христос всё ближе подступал к Иерусалиму — где власти уже сговорились взять Его ночью и, формально допросив, быстро расправиться с Ним, — вокруг Него бурлила толпа, народ теснил Его со всех сторон. К столице Христос проходил через Иерихон. От Иерихона, одного из древнейших городов на нашей планете (сегодня его возраст достигает семи тысячи лет, как минимум), до Иерусалима километров двадцать пять.

И вот начальник иерихонской налоговой инспекции, человек низкого роста по имени Закхей, очень хотел увидеть своими глазами этого Учителя, или Пророка. Молва ведь о Нем взволновала всю страну. Но исполнить свое желание сборщик податей никак не мог. Мал был ростом, сообщается о Закхее в Евангелии. Ринулся в толпу, но куда там: замнут, выкинут на обочину. Впрочем, хотя и мал был, да предприимчив. Не напрасно, надо полагать, вышел в начальники и солидно разбогател. Уточнил, по какой дороге пройдет Христос, окруженный народом, за-

бежал вперед, влез на смоковницу и, удобно примостившись на ветке, стал ждать. Увеличил себе рост, чтобы рассмотреть Иисуса, «кто Он».

И вот Закхей видит, как клубится пригорок, гудит земля вокруг, становятся слышными крики, даже не крики, а отчаянные вопли и просьбы, чтобы Учитель помог, исцелил. Вот уже людской поток обтекает смоковницу... Неужели в море голов не удастся разглядеть Того Человека? Толпа редет, шум проходит стороной, и в эту минуту Некто останавливается внизу, под деревом, и, подняв к маленькому чиновнику светлые и тихие глаза, обращается к нему по имени: «Закхей! Сойди скорее, сегодня Мне надо быть у тебя в доме».

Наверное, Закхей от неожиданности еле удержался на ветке. Случившееся превзошло все его ожидания. Он не спросил — откуда вы меня знаете? — он всё мгновенно понял, сердце его забило сильно и громко, он поспешно спустился на землю и побежал вперед, в свой дом, чтобы принять Учителя.

Небывалые чувства и мысли теснились в душе Закхея. Жизнь его разломилась на две половинки: на «до» и «после». Закхей думал удовлетворить любопытство, а встретил... Он не способен был сказать — Кого. Но сердцем предчувствовал — Бога. Прибегав к себе, он созвал слуг, накрыл стол, сам, наверное, угощал от души и не знал, чем еще угодить. И не замечал он, конечно, стоявших в дверях людей, их насмешек и едких укоров, адресованных Христу,

зашедшему на обед к сборщику налогов, то есть по должности к грешному человеку, вору и взяточнику. Закхей ничего этого не замечал, им владела такая радость, что он даже не мог спокойно возлежать за пиршественным столом: тогда столы были низкими и перед ними гости полулежали. Закхей поднялся. Сказать что-нибудь красивое у него бы сейчас не получилось — разволновался, поэтому он только воскликнул: «Господи! Половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо». Христос ответил ему, а вместе с ним и всем, кто роптал и копил зависть и злобу: «Ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама». Потому что и он чадо Божие... Бог не забывает никого. Забывают люди.

Войдя торжественно в Иерусалим, Христос первым делом изгнал из храма лавочников и менял. Дом Божий ненасытное иерусалимское начальство превратило в рынок. Затем в течение трех дней Он учил в храме народ, мудро отражал коварные нападки подсылаемых к Нему провокаторов. И вот за несколько часов до Своего ареста, до надвинувшихся издевательств и мучений, за день до казни Христос пожелал разделить со Своими учениками в одном скромном доме пасхальную трапезу. Тогда как раз наступило время Пасхи. В конце праздника Он взял оставшийся кусок хлеба, разломил его на части по числу апостолов, возлежавших вокруг стола, растворил в чаше вино с водой и, благословив вино и хлеб,

преподал ученикам как Свои Тело и Кровь. И совсем не в переносном смысле Тело и Кровь, а в прямом. Это несложно допустить: Бог создал Вселенную, потому что такова была Его воля; из естества Пречистой Девы Он соткал Себе Кожу и Кости и всё естество в целом. Не в Его ли власти было наполнить Своим присутствием то, чем постоянно питаются люди, что естественно для них и насущно. Хлеб наш насущный...

Прощальную пасхальную трапезу Иисуса Христа и апостолов называют Тайная вечеря. На ней Господь говорил Свои последние слова ученикам, молился, последний раз пытался пробудить совесть Иуды, спешившего продать своего Учителя вождям народа, членам Верховного суда. А ученики тогда еще не могли рассудить и понять, впрочем, как и нам сегодня очень трудно уразуметь, как это возможно, чтобы живой и бесконечный Бог, бессмертный и вездесущий, весь собирался в частице хлеба и капле сока виноградной лозы? А дело в том, что постигаем мы это не одним умом, и не сердцем только, но действием той силы, что исходит всегда от Бога и зовется Его благодатью. Действует она свободно и непринужденно. Но существуют предварительные условия ее привлечения. Эти условия, их совокупность, и есть Церковь. Сердце же Церкви — Таинство Тела и Крови Христа. Чтобы понимать и принимать, надо этим жить. Чтобы этим жить — надо войти в Церковь.

Вот с того самого дня в Иерусалиме, накануне Распятия, и до сей поры христиане, причащаясь Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина, соединяются с Богом осязательно и одновременно таинственно, непостижимо. Приобщаются Богу, полноте жизни, совершенству; воспринимают всё это в ту меру, в какую готовы усвоить. В нашу слабую и короткую жизнь вливается жизнь светлая и бесконечная. А мы родились как раз для светлой и бесконечной, а не для какой-нибудь другой.

III БЕСЕДА О ЖИЗНИ

УРОК ПРОРОКА

Хорошо море — с берега. Есть такая пословица. Из безопасного места оно видится не таким, каким открывается мореходу. Море царственно красиво, особенно если смотреть на него с высокого утеса. Оно щедро и вкусно питает, например в морском ресторане. Многообразно лечит. Влияет на климат. Служит торговле. Вдохновляет художников и поэтов. Конечно, это не вся правда о нем. Чтобы понять и почувствовать больше, надо отплыть от берега, познакомиться с морем близко.

Люди смотрят на картины Ивана Айвазовского и восхищаются искусством живописца: как мощно и звучно он сумел изобразить ярость бури, и эта луна или солнце в несущихся клочьях низкого неба — надо же, насколько вдохновенно и ярко передал он сво-

ей тонкой кистью обаяние неумолимой стихии. Одна девочка, однако, побледнела и собиралась уже рыдать. Мама взяла ее за ручку и отвела подальше:

- Ну ты что?

- А они утонут!

- Кто?

- Те люди. На досках.

Знание условностей — искусства, политики, общественных отношений — помогает нам в самых разных обстоятельствах оставаться спокойными, отстраненными: мы же договорились, что не будем, как дикари, всё понимать буквально. Не полезем на экран защищать слабых, и на сцену не ворвемся вступаться за обиженных.

Когда договорились? В незапамятные времена. Причем специально не сговариваясь. Живем так, как будто жизнь есть большая церемония.

Одним людям, взрослым и успешным, выгодно эту игру поддерживать, и делать это с достоинством, важно. А иным, например лентяям, а также молодым задирам, удобно с этой церемонией не церемониться. Но не выигрывает никто. И деловые, и бесшабашные к жизни относятся несерьезно. Первые нацелены выжимать из нее все соки: материальные, эстетические; вторым доставляет удовольствие дразнить первых, разрушать условности. То и другое возможно только на берегу... жизни. В стороне от нее.

Вероятно, ценность жизни лучше ощущает тот, кто однажды оказался на грани смерти. Впрочем, с

одного раза и сильное внушение не всегда доходит до ума и сердца: нужно повторение. Наша судьба — это череда уроков. У хорошего учителя на уроке нет пустых слов, минут и дел, у него даже тишина и пауза назидают. Кто нам мешает стать умнее и добрее, когда Сам Бог учит и помогает? Если к тому и есть преграды, то только в нас.

Вспомним одну известную историю из Библии. Ее обычно все слушают затаив дыхание: и малыши в детском саду, и студенты, и пенсионеры. Вот темно-зеленая волна выросла до неба, встала над истерзанным корабликом отвесной стеной и приготовилась своей грохочущей лавиной разнести его в щепки, но вдруг, рокоча и пенясь, обвалилась, а новая волна вздулась под днищем и подняла кораблик над бездной, ввысь, к клубящимся тучам и жестокому ветру.

Так продолжалось немалое время, и корабельщики пришли в отчаяние, они начали бросать в море кладь, чтобы облегчить судно. Вместе плыли люди разных племен, и каждый взывал к своему Богу, напрягая последние силы. И тут они заметили, что куда-то исчез тот пассажир, что сел на корабль в Иоппии, заплатив за провоз до Фарсиса. Все сбились с ног, ползают по палубе, спихивая груз за борт, а пассажира того нет. Искали пропавшего и нашли его во внутренности корабля, где он лежал и крепко спал, так крепко, будто у себя дома, а не среди ревущей бури. Узнал начальник корабля, спустился к спящему и, разбудив, укорял:

- Что ты спишь? Встань, воззови к Богу твоему; может быть, Бог вспомнит о нас и мы не погибнем.

А рядом бросали жребий, чтобы узнать, за кого корабль постигает беда. И пал жребий на разбуженного Иону. Это он, как выяснилось, навлек на всех небесное наказание, уклонившись от воли Божией. Что делать с ним? И вот Иона мужественно и честно ответил, что его необходимо бросить в море, тогда буря утихнет. Корабельщики, которые перед этим расспрашивали его, почему он бежит от лица Господня, на этот раз промолчали, и даже сильнее принялись грести к берегу. Море же бушевало, суденышко взлетало и падало, и люди в конце концов изнемогли. Прося и умоляя Бога о прощении за «кровь невинную», они взяли пророка и бросили в свирепые воды. Иона пошел ко дну, а ветер тут же начал слабеть и вскоре совсем сник, и волны разгладились.

Во все стороны как ни в чем не бывало простиралось вновь тихое море. С кормы корабля поднималась в чистое небо струйка дыма, на обломке мачты колыбался обрывок паруса. Бледные и осунувшиеся люди приносили Богу торжественно и строго жертву за свое спасение из оставшихся запасов и давали обеты.

А Иона к тому часу уже задыхался во чреве огромной рыбы, может быть кашалота. В Библии, правда, говорится о ките: «И повелел Господь большому киту проглотить Иону». За что? Чтобы понять, вспомним, как разворачивались события с самого начала: было к Ионе слово Господне; Бог велел про-

року идти в Ниневию, в столицу враждебного Израилю могучего государства Ассирии, и проповедовать в ней покаяние, ибо злодеяния живущих в городе дошли до неба. Ниневитяне опустошали земли евреев, и Иона, патриот своей маленькой родины, не мог не усмотреть долгожданного правосудия Божия в том, чтобы свершилась кара над развратными и жадными соседями. Предупреждать же врагов о грозящей им беде означало навлечь беду на своих соотечественников, стать предателем.

И Иона решил бежать от невыносимого поручения в далекий финикийский город Фарсис, что находился на другом конце моря, близ устья Гвадалкви-вира. Так эта река называется в современной Испании, она впадает в Атлантический океан. Но что это, бежать от Бога, Который, как хорошо знал Иона, есть источник блага, силы, разума, самой жизни во всех ее проявлениях? Не что иное, как спешить навстречу смерти. Ионе был преподан первый урок — страшный шторм, и он этот урок проспал. Потом, разбуженный и раскаявшийся, упросил, чтобы его не пожалели (он знал, что все страдают из-за него), но бросили в пучину.

Второй урок оказался настолько труднее и важнее, что муки, испытанные пророком в течение трех дней и ночей во чреве кита, Сам Иисус Христос сравнил спустя века со Своим пребыванием в «сердце земли», то есть во гробе плотью, во аде Душой. Иона в адовой тесноте, темноте и удушье взы-

вал к Богу. Душа его изнемогала в скорбном теле, но он настойчиво повторял, что увидит храм Господень, что молитва его уже дошла до храма. Он видел это во тьме, открытым сердцем и радовался, хотя не мог ни вздохнуть, ни пошевелиться. «Ты, Господи Боже мой, — молился Иона, — изведешь душу мою из ада... Чтущие суетных и ложных богов оставили Милосердного своего, а я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню...» И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу.

Иона пришел в Ниневию, которая была такая большая, что требовалось три дня ходьбы, чтобы обойти ее всю. Он ходил по городу и проповедовал:

- Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена!

Поверили Богу все, от царя до последнего нищего; все оделись в грубые лохмотья, а царь встал с престола, покрыл тело свое колючим вретисшем и, сев на пепле, велел провозгласить, чтобы весь народ наложил на себя пост и чтобы даже скот не выгоняли на пастбища и водой не поили. И вопиял каждый к Богу, «отвратившись, — как сказано в Библии, — от злого пути своего и от насилия рук своих», в надежде, что Бог умиласердится и угасит пылающий гнев Свой. И пожалел Бог о бедствии, которым пригрозил, и не навел его на город.

Иона сильно огорчился, впал в раздражение и довел себя до того, что просил у Господа смерти. «Неужели, — отвечал Господь, — это огорчило тебя так сильно?»

Покинув Ниневию, Иона взобрался на холм и стал наблюдать, не случится ли чего-нибудь со столицей. Он сидел в палатке, которую сплел из ветвей, и ждал. Наступила ночь, и Ниневия погрузилась во тьму. К утру у палатки выросло растение и покрыло ее тенью. Иона утешился, даже повеселел. Но к следующему утру червячок подточил молодой стебель, и растение засохло. Солнце палило голову Ионы, и тот совсем расстроился, изнемог и снова запросил себе смерти.

- Неужели, — удивился Бог, — так сильно огорчился ты за растение?

- Очень огорчился, — сознался Иона, — даже до смерти.

- Ты сожалешь о растении, — сказал тогда Господь Ионе, — над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало: Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?

Что же это, кстати, за глупышки такие, что не умеют различать рук? Да это младенцы! А всех жителей тогда — детей, родителей, воинов — в несколько раз больше. Для Древнего мира — грандиозно. Воистину «город великий у Бога» эта Ниневия.

Бог спас Иону необыкновенно. От смерти избавил испытанием смертью. Трое суток лежал Иона во чреве кита, будто в гробу, и умирал. Мучительно лежать без воздуха и без движения, ничего не видеть

и слышать лишь гул в ушах. Что оставалось от собственного Ионы? Одно только сознание, что он еще жив, потому что не забыл, кто он и откуда, и помнит, что где-то пребывает Бог, Который надеялся на него, посылая в Ниневию.

Все мысли, вся воля пророка собрались в один вопль: «У Господа спасение!» Иона воскрес душой, а вскоре и телом оказался на суше, и всё повеленное исполнил. Но странно повел себя в дальнейшем. По-прежнему раздражался и роптал. Неужели не изменился после всего пережитого?

Исследователи Библии полагают, что Книга пророка Ионы автобиографична, и если она написана не рукою самого пророка, а спустя десятилетия или века после его кончины, то происхождение свое ведет, по всем признакам, от него. Книга эта — непридуманный рассказ героя о себе. Она светится мудростью и покаянием. Улыбается самоиронией. Автор-герой понимает всю несопоставимость двух сожалений: Божьего о людях и своего о засохшем лопухе. Понимает Бога и осуждает себя, эгоиста. Дает урок потомкам. И потомки видят в уроке свой век.

С головокружительной ловкостью люди убивают друг друга в кино. Плечистый парень вышиб дверь ногой и выхватил пистолет, но выстрелить не успел — вздрогнул, рухнул на пол с открытым ртом, глаза застыли, и по белой рубашке расплзлось темное пятно крови; тут же распахнулось окно, но грянул еще один меткий выстрел, и очередной враг по-

вис на подоконнике. Изящно, четко, только успевай вертеться и прыгать.

Не через мешки с костями, через людей. В недавние времена убивали так же легко. Вот хроникальный фильм: стоят шеренгой мужчины и женщины в драных ватниках, в каких-то халатах, руки связаны за спиной, порывисто переходит от одного к другому сотрудник, судя по фуражке, НКВД. Съемка велась вручную, и пленка была плохая, оттого кадры мутные и дрожат. Остановился перед лохматым бородачом, у того ветер волосы ерошит. Бородач покачнулся, будто пьяный, упал на колени, потом лицом в землю. Чекист нагнулся, сделал контрольный выстрел в затылок, шагнул к следующему.

А у всех, кто на пленке запечатлен, были мамы и доверчивое детство, а в тот день где-то думали о них, наверное, жены и дети. Как ему, сотруднику, пилося чай по окончании рабочего дня? Обычно, должно быть, и поел он чего-нибудь: после такой-то работы адовой.

Сентиментальные палачи в природе встречаются: любят цветы или классическую музыку и тихие душистые вечера с соловьями. Немало людей заявляют, что предпочитают человеку собаку или кошку. Потому, вероятно, что со зверюшками нянчиться несравненно проще: они морально не растут и, прирученные, не сопротивляются нашим ласкам.

Сопrotивляется нечто в нас, когда мы совершаем усилие полюбить Существо Высшее из высших,

идеал, абсолютную чистоту и совершенство, то есть Бога, и еще когда стараемся по-настоящему полюбить человека. Первое для нас трудно, так как слышать и отвечать Тому, Кто нас выше, — уже проблема. Это же надо заставлять себя тянуться вверх, становиться умнее, серьезнее, сильнее. Восходить утомительнее, чем съезжать с горы.

Второе трудно тоже, потому что нужно трудиться над своим сердцем, учить его забывать временами о своей выгоде, понимаемой материально, прилаживать свою угловатую и колючую самовлюбленность к жизни совместной и сплоченной. Один, всем известно, в поле не воин. Чтобы разводить кактусы или выращивать мопсов, пусть самых трогательных и милых, требуется меньше сердечной боли, чем для воспитания ребенка. Высокие благородные чувства человек может испытывать только к высшему или равному.

Нет, что-то сломалось в нас, высохло или не развилось, если мы спокойно смотрим, сидя в кресле, как мучаются и внезапно прощаются с жизнью существа, удивительно на нас похожие. Следующий шаг — это безучастно смотреть видеозапись — ну а коли участливо, так тем более невозможно и страшно — страданий близкого человека. Как христианину сидеть в зале и смотреть, глаза не прятать, на «Страсти Христовы»?

Смерть неизбежна, но к ней нельзя приучать, превращать в мотив будней и элемент быта. Она очень серьезна и значительна, и своя и чужая, пото-

му что она не конец, а переход. И никак не зрелище. Праздник зритель смерти демонстрирует не только свое равнодушие и презрение к погибающим, актеры ли они, или подлинные мученики, но и свое бесчувствие по отношению к жизни, свою прижизненную мертвость, потому что и в нас, и в убитых жизнь совершенно одинаковая — человеческая. Мы кровно и духовно связаны друг с другом. Кстати, закономерный парадокс — безучастный к чужому страданию униженно дрожит за свою шкуру, а сострадательный ведет себя, как правило, тише, великодушнее, когда чувствует приближение смерти.

Эх, жизнь, сколько же ты стоишь? По-разному. Растет пшеница, следовательно — живая. Мы же хладнокровно или жадно оцениваем ее стоимость, пока еще гибкой, волнуемой на ветру. И прерываем ее жизнь ради нашей. Но не варварски, не бесчувственно, а с чувством благодарности: природа, творение — жертвенно. Можно по-деловому оценить жизнь коровы. Почему сейчас говядина? Но корова для нас не гора еды, и только. Мы благодарны ей за то, что она, дойная и мясная, сама того не зная, жертвует собой ради нашей сытости.

Принципиально оценимо всё, что имеет границы, параметры. Неценима, выше всякой цены вечность и беспредельность: бесконечность равняется бесконечной цене. Жизнь человеческая, разумеется, вполне осязаема, материальна, но она же и духовна. Дух не умещается в рамки, он свободен в любом за-

стенке, он волен преодолеть земное, то есть историческое, экономическое, какое угодно притяжение. Пожелает и отправится в прошлое; решит и заговорит в молитве с невидимым. Он может стать причастником вечности, значит, вечному человеку нет цены. Он невыразимо больше формулы. Цена — это же в обсуждении точка и предложение: вот, мол, мы определились, теперь покупайте! Собственно человеческие ценности бесценны. И жизнь человеческая не должна подлежать купле-продаже. Она священна.

Не чувствует этого ковыль и подорожник, и весь животный мир, вообще всякий, кто над душой своей не трудился и ее не растил. Именно над душой. Можно в облике человека прожить как растение: сосать из мира пищу и расти во все стороны. Можно прожить зверем, хищным или домашним, капризным. Можно, наконец, сделаться бесподобным. Сколько их, беспечных существ, в которых еще не началась настоящая человеческая жизнь. Иной человек откроет ее для себя и удивляется, как же он раньше жил.

Вот поэтому Богу, говорившему с Иной, было жалко людей, жизни не знавших, не отличавших правого от левого, вечного от смертного. Отличать надо, чтобы правильно выбирать. Смотрите, каждый день, едва ли не час, мы выбираем между двумя, тремя, несколькими путями. Древнему израильскому народу Бог когда-то сказал: «Я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое...»

W

БЕСЕДА
О КРАСОТЕ

СЕКРЕТЫ КРАСОТЫ

Если вы помните, героем нашей предыдущей беседы был пророк Иона. Его грозные слова о гибели Ниневии, огромного города, погрязшего в воровстве и разврате, ниневитяне услышали, и все, начиная с царя и до последнего раба, решили в корне изменить свою жизнь. Они мужественно раскаялись. И Бог простил их. А огорченному до смерти Ионе объяснил, что если уж он, Иона, сожалеет о засохшей пальме, которую он и не сажал, и не растил, то Ему, Богу, видящему перед Собой более ста двадцати тысяч младенцев в городе, существ невинных, еще не умеющих отличать правого от левого, как не пожалеть малышей? А вместе с ними их родителей, бабушек и дедушек, воинов, приезжих торговцев, слуг и множество скота.

Вообще-то страшно предположить, что ромашка, пальма, научный эксперимент или пачка денег для кого-то могут оказаться любимее и важнее человека. Маленькая библейская Книга пророка Ионы заканчивается ясным выводом: жизнь человеческая дороже всего на свете. Такую высочайшую цену назначил жизни ее премудрый Автор — Бог.

И еще одна мысль возникает при размышлении над этой книгой: Бог очень жалеет людей, постоянно снисходит к ним. Он как будто, а впрочем, и на самом деле жадно ловит и самое робкое, даже беззвучное, в мыслях шевельнувшееся «прости». Он жалеет нас, потому что любит.

Но за что Ему нас любить? Мы же ругаемся, ленимся, да чего только дурного ни делаем... А Он не теряет надежды. Когда-то один поэт, Владислав Ходасевич, увидел себя в зеркале раздраженным и постаревшим и вздрогнул:

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого,
И всезнающего, как змея?

Разумеется, любила. И наверное, всегда. Ей это было нетрудно. И наверное, при виде ее мальчика у нее в груди таяло сердце, она им восхищалась. Может быть, говорила мужу, матери, подругам: посмотрите, какой он у меня красивый, какие у него гла-

за, волосы. А мы иногда смотрим на предмет чьей-то нежности и думаем про себя: и чего нашла, ведь ничего нет привлекательного, о какой красоте речь?

В самом деле, о КАКОЙ красоте речь? ЧТО она такое?

Сразу и не ответишь. Только задумаешься, всмотришься в то, что называют или считают красивым, и сразу вопросов окажется много больше, чем ответов. А ответа, который бы примирил разные вкусы и понятия, на поверхности вовсе не найдешь.

Борис Леонидович Пастернак пишет стихи любимой:

Любить иных — тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильна.

Да может и не следует ломать голову над секретами и загадками красоты? Насколько проще: вот это мне нравится, а это некрасиво, вот это восхищает, а другое оставляет равнодушным или вызывает отвращение. Но проще — не значит лучше. Предельное упрощение всего — небытие.

Если не вникать, не понимать, что у красоты есть глубина, невидимая глазу, как и у человека, который всё-таки не кожаный чехол на костяном каркасе, но в чехле личность, внутренний мир; одним словом, если не чувствовать невидимую жизнь в явлениях, тогда одно из двух: либо мы теряем чувствитель-

ность и умираем, либо умер мир и остались от него одни декорации. Выберем третье: все живы. Тогда у красоты появляется глубокое содержание, и оно-то есть ее секрет. Постараемся приблизиться к его разгадке.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ БЕЗУСЛОВНОСТЬ

Многим людям кажется, что красота — понятие относительное, так как представления о ней меняются от эпохи к эпохе, и они различны на разных материках и в разных цивилизациях. За примерами экзотического понимания красоты — предельно экстравагантного понимания, с классической европейской точки зрения, не обязательно путешествовать в глубь Африки или на острова Полинезии. Дикая эстетика глухих африканских или полинезийских племен отражается сейчас на одежде девочек-подростков, которые называют себя «эмо», или буквально вживляется в кожу растатуированных кибер-панков с раздвоенными языками. Эти несчастные, уродуя себя, думают, что они тем самым кому-то что-то доказывают. Если это протест против меркантильного и циничного общества, то с большой примесью лукавой лени, развившейся в запущенный идиотизм.

Нас сейчас несколько не шокирует, а только слегка удивляет женская красота позднего европейского Средневековья: красивой считалась женщина с вы-

бритым лбом; платье красавицы украшали вышитые мешочки для блох; а беременность ее должна была отчетливо читаться в силуэте. В этом наборе признаков красоты видны и заботы, и ценности времени: в бытовом отношении приходилось день и ночь выживать — бороться с насекомыми, с сыростью и холодом, с эпидемиями; а главным призванием женщины и в высших слоях общества считалось материнство.

Леонардо да Винчи принадлежит уже следующей эпохе, культуре Ренессанса. Всему миру известны его «Тайная вечеря», «Джоконда». Как-то детям на уроке предложили поразмышлять над образом «Дамы с горностаем». Знатная горожанка — вот всё, что мы о ней знаем. Правильные черты лица. В лице покой, живая и чуткая тишина, плавность и мягкость, проступающие из глубины. Красива ли она? Да. Хотя и совсем неброской, невпечатляющей красотой.

Дети легко и естественно перешли от портрета к разговору о том, *что* в жизни важно ценить и беречь: мир в семье; вообще внутренний мир; душевную гармонию; заботу обо всем, что окружает человека. Детей ожидал и «специальный сюрприз». Экран захватило лицо топ-модели, плывущей по подиуму. Ее истощенную фигуру убрали, она только отвлекала бы от сути вопроса. Преподавателя интересовало лицо, его странное, застывшее, брезгливо-обморочное выражение. Контраст был столь разителен, что на вопрос, нравится ли классу эта новая дама, слыша-

лось многоголосое «не-ет». Приучить-то можно ко всему. Можно внушить, что презрительная бездумная маска и есть эталон красоты. И что самое вкусное — тухлые яйца. И что слово «красивый» означает безобразный. Надо всего лишь новый словарь составить. А на самом деле, что означает слово «красивый», откуда оно?

ГЛУБИНА КРАСОТЫ

История происхождения (этимология) славянского слова «краса» роднит его с древнеисландским «хроса» и с новоисландским «хрос», что означает «хвалиться» и «слава», «блеск», «сияние». А что такое слава? Недостаточно объяснять ее как воздаваемую честь или возносимую хвалу. Прославляют не просто так, а за что-то. Чем устойчивее, продолжительнее и сильнее прославление, тем значительнее повод. В Библии о славе говорится часто: до 350 раз. И не случайно, разумеется.

Когда Бог давал вождю израильского народа Моисею заповеди, вручал ему законы жизни для евреев и вообще для всех верующих людей на будущие времена, то окружено это было великими и страшными знаменьями. Гора Синай сотрясалась и сверкала от молний, раскаты грома дрожью проходили по земле, а на вершине горы стояло неподвижно облако, и протяжно, возрастая в звуке, сиреной гудела труба.

От горы к небу поднимался столп дыма, вся гора походила на раскаленную печь, а то облако, что держалось на ее вершине, Моисей и называет славой Господней. Грозная слава в глазах народа напоминала: *огнь поядоющий* (Исх. 24: 17); в нее вошел Моисей и оставался в ней сорок дней и сорок ночей. В нестерпимом огне и непроницаемом тумане пребывал Бог. Из этой тайны вынес Моисей слова Божий, обращенные к людям.

Спустя несколько веков царь Соломон, сын Давида, построил в Иерусалиме великолепный храм Богу. И вот, при освящении храма, *облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень. Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле* (3 Цар. 8: 10—12). Царь повелел приготовить к жертвоприношению великое множество крупного и мелкого скота. Огонь, пролившийся с неба, поглотил жертвы, как будто бережно собрал их и вознес в незримую высь. А израильтяне в трепете пали лицом на землю; чувства умиления, восторга и благодарности к благому и милостивому Богу охватили их; и они *славословили Господа* (2 Пар.7: 3).

Слава, как мы видим, сияет, горит огнем, восхищает и... остается непостижимой. Она — не поверхность, а глубина красоты; она — даль, наполненная радостью и уходящая в бесконечность, в неприступную мглу.

Филологи также сближают славянское «краса» с литовским «гроцис» — «красота», и «грацус» — «красивый». В последнем не может не слышаться латинское «грация», что значит «благодать». Итальянцы этим словом благодарят, говорят «спасибо». Все корни и значения мысленно сводятся в один общий образ Божиего дара, который светит, просвещает, дает силы понять свое место в мире перед Божественной необъятностью и вечностью. Благодать незрима. И в красоте красиво не то, что видно, а то, что скрыто.

Если «слава» в Священном Писании упоминается неоднократно, то о «красоте» в Евангелии совсем не говорится. Просто нет этого слова, и все. А во всем Новом Завете, то есть в Евангелии вместе с Посланиями апостолов, всего один раз. У апостола Петра. Он, обращаясь к женщинам, пишет: *Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1 Петр. 3: 3-4).

Получается, что по-настоящему красиво то, что значительнее внешних признаков красоты, не зависит от моды, выше эпох, культур и местного колорита; что не замазать косметикой... Что не кричит о себе. А существует как некая сила, живая и умная, и может оживить подходящую форму. Отсюда смысл понятия *одухотворить*. Творит Дух.

О КРАСОТЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

Лучше всего нетленную красоту духа передает искусство иконы. Хотя искусством в светском понимании иконопись не назовешь. Но и искусство изобразительное, и литература прекрасно чувствуют творческое дыхание, движущее миром, и пытаются своими средствами об этом сказать. Только лишь в нашей, русской литературе, примеров множество. Вот Заболоцкий Николай Алексеевич увидел сокровенное и окружил его прозрачными словами. В стихотворении «Некрасивая девочка»:

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее,
Она ж за ними бегаёт по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье.
А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Тот же образ видится и другому поэту, иеромонаху Василию Рослякову:

Дивно я создан Божественным Словом:
Будто бы соткан из ткани земли
С замысловатым телесным узором,
С тайным до времени светом внутри.

Когда находишь в ранних стихотворениях Осипа Мандельштама вновь тот же образ, начинаешь думать, что поэтам и в целом художникам — людям, мыслящим образами, — жизнь одинаково честно открывает видимые признаки невещественного, духовного содержания красоты. Что это? Свет, тепло, дыхание ветра. Мандельштам вспоминает соборы Московского Кремля:

Успенский, дивно округленный,
Весь удивленье райских дуг,
И Благовещенский, зеленый,
И, мнится, заворкует вдруг.

Архангельский и Воскресенья
Просвечивают, как ладонь, —
Повсюду скрытое горенье,
В кувшинах спрятанный огонь...

Огонь, внутренний свет наполняет все, что живет и любит; все, что красиво. Кроткая, сострадательная княжна Марья в «Войне и мире» Льва Толстого в минуту встречи с любимым человеком озаряется изнутри светом высокой душевной красоты. Вот как об этом сказано в романе:

«Когда Ростов (будущий муж княжны. — *Прим. авт.*) вошел в комнату, княжна опустила на мгновение голову, как бы предоставляя время гостю поздороваться с теткой, и потом, в то самое время, как Николай обратился к ней, она подняла голову и блестя-

щими глазами встретила его взгляд. Полным достоинства и грации движением она с радостною улыбкой приподнялась, протянула ему свою тонкую, нежную руку и заговорила голосом, в котором в первый раз звучали новые, женские, грудные звуки. M-lle Bougienne, бывшая в гостинной, с недоумевающим удивлением смотрела на княжну Марью. Сама искусная кокетка, она сама не могла бы лучше маневрировать при встрече с человеком, которому надо было понравиться.

"Или ей черное так к лицу, или действительно она так похорошела, и я не заметила. И главное — этот такт и грация!" — думала m-lle Bougienne.

Ежели бы княжна Марья в состоянии была думать в эту минуту, она еще более чем m-lle Bougienne удивилась бы перемене, происшедшей в ней. С той минуты, как она увидела это милое, любимое лицо, какая-то новая сила жизни овладела ею и заставляла ее, помимо ее воли, говорить и действовать. Лицо ее, с того времени, как вошел Ростов, вдруг преобразилось. Как вдруг, когда зажигается свет внутри росписного и резного фонаря, с неожиданною поражающею красотой выступает на стенках та сложная, искусная художественная работа, казавшаяся прежде грубою, темною и бессмысленною: так вдруг преобразилось лицо княжны Марьи. В первый раз вся та чистая духовная, внутренняя работа, которою она жила до сих пор, выступила наружу. Вся ее внутренняя, недовольная собой работа, ее страдания, стремление к добру,

покорность, любовь, самопожертвование — все это светилось теперь в этих лучистых глазах, в тонкой улыбке, в каждой черте ее нежного лица».

МНОГОГРАННАЯ КРАСОТА

Самое красивое в человеке — глаза. Что красиво еще? Вообще в мире. Волнующая сердце речь. Изящество линий и сочетание красок на картинах. Музыка. Огненные деревья в октябре и лес в апреле, когда он окутан зеленым туманом. Горы в лучах восходящего солнца и цветущая душистая степь, яркосинее небо без единого облачка и разноцветная морская даль. Звезды. И конечно, и даже прежде многого другого, поступки людей. Вот этот человек, говорят иногда, не побоялся вступить за несчастного перед сильными: его поступок красив и благороден.

Жила-была одна девушка. Она не могла разобратся в своей душе. Ей нравился успешный молодой мужчина, высокий и остроумный. Он всегда шикарно подъезжал на серебристой трехдверной «ауди», часы носил — «Константин Вашерон». И он оказывал ей знаки внимания: дарил цветы, приглашал в рестораны. Звал в Мексику отдохнуть, и она бы тут же, да родители не пустили. Но руку и сердце не предлагал, в его планы не входило.

А другой был несравненно тише, ездил на метро, серьезно учился, в столовой брал суп. Как вдруг, нео-

жиданно, признался ей в любви. Подошел и, строго и грустно глядя ей в глаза, протянул конверт: «Прочитай, хорошо? Потом выбросишь». Он писал, что любит ее и хочет, чтобы всё у них было честно и правильно, если она согласна: венчание, дружная семья, дети. Но вот он-то ей не очень нравился: ростом с ней и вообще — никакого шика. А впрочем... Что-то удерживало ее отвергнуть его предложение. Одним словом: истомилась. Рассказала всё бабушке.

Сидят они вечером, в сумерках, и бабушка вспоминает, как и она когда-то нравилась двум кавалерам. Наследственное это, что ли? И что-то похожее было в тех, бабушкиных, молодцах и в нынешних, внучкиных. Красивого, бабушка ухмыльнулась, звали Владимиром. А простенького Ваня, как в сказке.

«На день рождения нашей сокурсницы вся группа набилась в ее маленькую комнатку: веселье стояло — пыль столбом. Меня позвали в коридор, я побежала и налетела на Ваню:

- Вань, кто меня звал?

- Я.

- Что случилось?

- Я вот два года хочу тебе сказать: ты мне очень нравишься, с первого взгляда. Выходи за меня замуж. Мы поедем ко мне в Нижний Тагил, когда доучимся.

- Ты что, выпил? — Я как-то рассердилась. — Из двух вещей одна сбудется непременно: в Тагил свой ты поедешь точно, а со мной вряд ли.

- Ну да, — мрачно прошептал он.

- А за чувство благодарю. — Я сразу смягчилась. — Ты на самом деле хороший. Прости меня.

Однажды согнали всех в актовЫй зал на собрание: исключать из института преподавателя. Что это означало в советской стране? В лучшем случае волчий билет: никуда не устроишься, только в котельную или дворником. Но скорее всего: арест, допросы, затем ссылка. В конце 1940-х уже почти не расстреливали, в основном ссылали. Семья впроголодь. Жизнь поломана.

Преподавателя этого все любили. Талантливый ученый, и душа открытая, нелицемерная. Идет собрание, люди головы попускали. Выступить против — самому себе приговор подписать. Да и человеку не поможешь — так многие рассуждали. Гремят трибуны активисты, требуют удалить идейного врага из советского вуза. Среди выступающих и Володя, комсорг курса. Наконец, председатель командует: кто за исключение гражданина Серова?

Зал, как один человек, поднял руки вверх. Дружно сдали хорошего человека. Система жестока.

- Кто против? — машинально спрашивает председатель, не глядя на сидящих. Ему что-то шепчет товарищ справа.

- Кто? — удивленно поднимает глаза председатель.

В центре большой аудитории, рядами уходящей ввысь, твердо стоит рука в клетчатом рукаве. Это Ваня. Его голос дрожит сначала, но скоро крепнет:

- Я! Я против! Товарища Серова все знают, он очень честный человек. Он воевал, у него есть награды и ранение. У него двое маленьких детей. Он ученый, он стране нужен. Его нельзя исключать!

Зал зашевелился, шумно вздохнул. Я смотрела снизу вверх на Ваню, потому что сидела на ряд ниже, и думала: нашелся еще один настоящий человек! В эту минуту глаза его сверкали, щеки стали румяными, он правой рукой, как гребешком, откинул прядь со лба. Я как будто увидела его впервые в жизни.

А собрание уже гудело. Кто-то крикнул, прячась за спины: перестаньте травить Серова! На бледно-зеленого председателя жалко было смотреть. Дело кончилось тем, что партийных и комсомольских начальников с должностей тут же сместили; Серова ночью забрали на Лубянку, а Ваню вызвали через день в комитет комсомола. Все знали, что его исключают. Мы стояли на галерее и ждали, когда он выйдет. Его долго разбирали. Он вышел растерянный, виновато оглядел нас. Кто-то торопливо положил ему руку на плечо, кивнул и убежал. Мы вчетвером пошли в парк: Ваня, двое друзей его и я. Ходили по дорожкам, молчали, а когда заговаривали о чем-нибудь, то о постороннем.

Потом, я помню, мы остались с ним вдвоем, сидим на скамейке, едим булку. Проглотив кусок, я сказала:

- Надо же, как все сбывается. Ты теперь в Тагил.

У него во рту хлеб, и он не может ответить. Я продолжаю:

- А мы? Уже расстаемся?

Он подумал:

- Давай, я буду писать какому-нибудь пожилому человеку: поищу кому. А вы через него — мне. Вам учиться надо, заканчивать, а я работать пойду. У родителей еще двое в школе.

- Ая?

Ваня взглянул на меня внимательно. Я наклонилась к земле, потому что, кажется, покраснела, и спрашиваю:

- А как же я без тебя? Что мне делать?

Вот так всё и решилось. Мы поженились, в Тагиле. Появилась твоя тетя, потом твой папа. А лет через десять взяли и доучились. И всех понемногу вырастили. Теперь твоя пора».

СВЕТ МИРА

Что делает красивым? Внутренняя сила, принимающая для нас чаще всего вид света. Когда Иисус Христос говорил в Палестине о настоящей Жизни — Царстве Божиим, — пришедшей в мир в Его Лице; когда исцелял всякую болезнь и немощь, тогда слух о Нем разнесся далеко, даже до Сирии.

И приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их. И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Де-

сятиградия, и Иерусалима и Иудеи и из-за Иордана (Мф. 4: 24-25).

Христос учил жизни, свободной от злобы, похоти и корысти, а народ слушал Его часами, забывая о еде и отдыхе. И Он говорил среди прочего: *Вы — свет мира. <...> Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5:14,16). В другое же время и в другом месте, исцеляя слепорожденного, Он сказал иначе: *Я свет миру* (Ин. 9: 5).

Так кто же свет? Он или люди? Нет ли здесь оговорки или противоречия? Нет! Есть указание на причину и следствие. Он объяснил это однажды прямо: *Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни* (Ин. 8: 12).

Свет жизни и красота ее в нас — от Бога. Вы слышали, наверное, про черные дыры в космосе. Возможно, это взорвавшиеся звезды, которые из пыляющих гигантов сжались в сверхплотные малые тела; в них время и пространство поменялись ролями. Какова бы ни была природа этих космических феноменов, в них всё исчезает бесследно и невозвратно. Это бездна небытия, пропасть беспросветности.

Всякий, «кто собирает сокровища для себя», кто живет только для своей выгоды и удобства, страшно похож на черную дыру. На зияющую пропасть в прекрасном мире. В слове «пропасть» переставьте ударение на последний слог. Вот так. А если таких дыр

без дна будет всё больше? Мы провалимся? Не дай Бог. Надо просить Его о том, чтобы не допустил такой беды. Ясно, что человеку-дыре, то есть эгоисту, придется в свое время отвечать Богу за прожженные годы. А что он ответит? Да ему отвечать будет нечего и нечем. Он — дыра; вечный собственный враг; самоистребитель; существо, всего лишь пожившее для себя, и только.

А процветшая здесь, на земле, бескорыстная красота, пойдет в свой срок к красоте немеркнувшей. Жизнь проявляет себя во свете, она есть свет, ясность пути, возрастания. Но и красота есть свет. Особый, сокровенный, идущий из сердца. Значит, жизнь и красота — одно. Если то и другое — настоящие. Смысл жизни в том, чтобы послужить Богу и таким образом приблизиться к Нему. Так приблизиться, чтобы быть в Нем. А Бога мы встречаем и видим только в другом человеке.

Подведем итоги: красива жизнь, отданная другому человеку — одному или многим — без корысти и расчета, но при ясном уме и по велению любящего сердца. Такая жизнь озарена светом духовным, и в ней всё сияет, всё излучает тепло: глаза, слова, дела и даже вся природа. Если ты действительно заботишься о красоте, то не спеши за модой, не думай о загаре и гладкой коже, косметике и дорогой бижутерии. Ох, куклу или обезьяну как ни наряжай... Да и не наряжай, чтобы не было смешно. Лучше чисто живи. И поступай красиво.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Помните, когда мы встретились в первый раз, мы говорили об инопланетянах: сравнивали верующего человека с посланцем, прибывшим из будущего в настоящее, с грядущей обновленной Земли в нашу повседневность. Таким выдающимся посланцем, между прочим, был апостол Павел. Апостол в переводе на русский и означает посланник. Посланный к народам глашатай радостной вести. Павел от рождения обладал великим талантом веры: он чувствовал Бога так, как редко кто может и умеет. Но вот случается иногда с сильными людьми: в молодости они теряют голову. Дух коллективного безумия пленил Павла: он возненавидел учеников Христа. Потому что допустить не мог, что Иисус из Назарета — это и есть Бог его отцов, обещанный пророками и вот уже пришедший.

С Павлом случилось чудо: отправившись в Дамаск решительно расправляться с христианами, он встретил на пути Того Самого Иисуса, Которого отрицал. Он встретил Его не лицом к лицу, а таинственно. Ему явился свет с неба. Этот свет пролился на него так ярко и внезапно, что Павел (его звали в то время еще Савлом) упал на землю и услышал голос: «Савл! Что ты гонишь Меня?» Он сказал: «Кто Ты, Господи»? И услышал: «Я Иисус, Которого ты гонишь; трудно тебе идти против рожна». Савл пришел в трепет и ужас. Он уже никого не замечал: всё окружающее утонуло в чудесном сиянии. А люди, сопровождавшие его, зрение не потеряли, но *стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя* (Деян. 9: 7).

Савл спросил у Господа, что ему делать, и получил повеление идти той же дорогой, к Его ученикам, но уже, конечно, не для пыток и казней, а чтобы присоединиться к ним. Вот так, с открытыми и невидящими глазами, повели беспомощного мучителя за руки в Дамаск (См.: Деян. 9: 3—8).

В Дамаске, крестившись и вновь обретя зрение, Савл из недавнего разрушителя Церкви сделался ее строителем. Вскоре уже ему пришел черед мужаться, терпеть и не отчаиваться: апостол вышел из Дамаска не обыкновенным образом, собственными ногами пройдя через городские ворота, а покинул его спрятанным в корзине, которую свесили ночью со стены, потому что иудеи договорились его убить и стерегли день и ночь городские выходы и входы.

Впоследствии апостола избивали до полусмерти, томили подолгу в тюрьмах, он погибал в кораблекрушении, его жалила ядовитая змея... Но Бог его хранил. Он проходил тысячи километров, сам себе доставляя пропитание шитьем палаток, и всюду, куда вело его призвание свыше, он бесстрашно и вдохновенно проповедовал вечного Бога. Непостижимого Бога — ставшего и совершенным человеком — умершего на Кресте и воскресшего из мертвых.

В свое второе путешествие по странам Средиземноморья апостол Павел отправился с помощником по имени Сила. В городах Македонии он рассказывал о Христе в синагогах, подробно разбирая Писания пророков, и этим вызывал негодование в местных иудейских общинах: Павла разыскивали, чтобы схватить и предать, как обычно, побоям, и затем бросить в тюрьму. Но в Фессалониках, потом в Верии ученикам удавалось скрывать своего наставника. Избавив Павла от очередного преследования, друзья проводили его берегом моря — а это целых четыреста километров — до Афин.

Афины — культурная столица мира, «мать наук», бывший главный город Греческой республики — возмутили сердце Павла. Он с удвоенным рвением принялся за свою апостольскую работу: в синагоге открывал и доказывал, что Помазанник Божий есть пострадавший и воскресший Иисус, а кроме того, ежедневно приходил на агору — торговую площадь, где беседовал со всеми, кто желал его слушать.

Эта древняя площадь мало чем походила на современный рынок. Скорее она напомнит нам сегодня открытое фойе какого-нибудь большого университета, но весьма своеобразное, где и торгуют, и собираются группками вокруг выступающих ученых, философов или филологов и где просто обсуждают новости. *Афиняне*, — как написано в книге Деяний святых апостолов, — *ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое* (Деян. 17: 21). В такую кипящую мнениями и взглядами атмосферу окунулся Павел. И не растерялся: среди искусных ораторов и ироничных эстетов он проповедовал Иисуса и Его Воскресение.

Его расслышали. «Что-то странное ты влагаешь в уши наши...» — говорили ему. Взяли и привели в ареопаг — Верховный суд. Не для суда, а чтобы узнать о новом учении, которое распространял пришелец. Представляете это собрание в просторном знаменитом здании на холме, над городом? На каменных скамьях восседают почтенные граждане и знатные горожанки, сластолюбивые эпикурейцы и надменные стоики, купцы из Александрии и молодые римские патриции, а перед ними стоит высушенный дорогами и солнцем странник, маленького роста, горбоносый, с вытянутым лицом, лысеющим со лба. Его голос звучит пронзительно и взволнованно. «Афиняне! — восклицает Павел, — по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны; ибо, проходя и осматри-

вая ваши святыни, я нашел жертвенник, на котором написано: "неведомому Богу"».

Надо сказать, подобных жертвенников, общедоступных, было немало в городе. Но апостолу нужно было вещественное указание на то, что самоуверенной публике далеко не всё на свете известно. И он хвалит собравшихся за благочестивую предусмотрительность, располагая их ко вниманию, стараясь раскрыть их сердца к тому очень важному, что он должен им сообщить. Павел говорит им о Боге, Которого они, не ведая, уже почитают. На самом деле — еще нет, не почитают, но Павел надеется. Готовит почву.

Бог, проповедовал апостол, создал мир и всё, что в нем. Он — Творец (по-гречески: поэт) неба и земли, и Ему тесно в храмах, построенных руками людей. Он ни в чем не нуждается, напротив: Сам всему дарит жизнь и дыхание и всё. От одного-единственного человека Он произвел народы, и люди расселились по лицу земли. Но Бог ограничил их жизнь во времени и в пространстве, чтобы, повинувшись естественному для человека стремлению к познанию и обладанию большим, чем видят глаза и слышат уши, люди *искали Бога, не ощущая ли Его, и не найдут ли, хотя Он и не далеко от каждого из нас...* (Деян. 17: 27). Речь Павла коснулась, увы, немногих сердец в те далекие времена в Афинах, в громадном прохладном ареопаге. Что-то изменилось с тех пор?

Если бы сегодня каждому человеку вмонтировать внутрь прибор, который реагировал бы на сте-

пень приближенности или удаленности от нас Бога, как бы мы жили? Предположим, Бог далеко — прибор шуршит еле слышно. Ближе — бормочет внятней. На самом деле, работай в нас этот приборчик исправно — мы бы усидеть на месте не смогли, нас бы сразу переполнили чувства, мы бы взглянули на мир по-иному. Приборчик бы взвыл сиреной... Нет-нет, он запел бы в нас полным голосом и осветил нас изнутри, тайным светом: Бог здесь, здесь, Он совсем рядом!!!

Да, Он бесконечно ближе к нам, чем мы можем себе представить. Но прибор у нас неисправен. У этого прибора есть название: сердце. Есть главное назначение: видеть Бога. А у нас что есть? Что вообще нужно, чтобы вернуть сердцу его врожденную способность? Для начала только одно: желание.